

III.

РАЗДѢЛЕНІЕ ЦЕРКВЕЙ.

Церковное единство.—Причины его нарушенія.—Особенности Западныхъ епархій.—Возвышеніе Папства.—Языческія стихіи Римскаго Католицизма.—Отдѣленіе Западной церкви отъ Восточной.

II, 48. Со времени своего основанія Апостолами Церковь была едина. Это единство, обнимавшее весь въ то время извѣстный міръ, связывавшее Британскіе острова и Испанію съ Египтомъ и Сирією, никогда не было нарушаемо. Даже ереси не нарушали этого Божественнаго единства: онѣ носили характеръ заблужденій личныхъ, а не расколовъ цѣлыхъ областей или епархій.

Но въ духовномъ строѣ областей и епархій Западныхъ заключались начала существенно-отличныя отъ началъ Востока. Начала эти коренились во всей предшествовавшей, до-христіанской исторіи Запада, въ его религіозныхъ, племенныхъ и государственныхъ стихіяхъ.

IV, 417. Міръ Греціи, Востока и Африки былъ древнѣе Рима, богатъ собственною мыслию, свѣтель собственнымъ просвѣщеніемъ. Онъ покорился Риму какъ силѣ и какъ полнѣйшей идеѣ политической, но въ тоже время сохранялъ духовную самобытность, уметвенное превосходство надъ Римомъ и тайное къ нему презрѣніе. Міръ Италіи, Галліи, Испаніи и позднѣе Британіи былъ Римскимъ созданіемъ. Его бѣдная и бесплодная самобытность исчезла вскорѣ. Вся жизнь и мысль Запада были даны Римомъ, а не выработаны собственною силою народовъ.

Коренныя начала западнаго міра не замедлили обнаружиться и въ Западномъ Христіанствѣ.

IV, 484. Политическія послѣдствія Аріевой смуты отзывались во всей исторіи Европы, въ продолженіе многихъ столѣтій. Раздѣленіе народа на два враждебные стана и раздоръ между духовенствомъ и дворомъ ослабили Имперію и открыли варварамъ свободный доступъ въ ея предѣлы.—Народы Германскаго племени, вторгнушіеся въ область Римскую и откинутые на Западъ вѣлѣдствіе Гуннекаго напора и устоячивости Византійской, перенесли съ Востока въ области Западной имперіи, ими завоеванныя, Аріанство, враждебное новопокоренному народу и его духовенству. Разрозненное духовенство, угнетенное побѣдителями, стало со дня на день болѣе обращаться къ патріархескому престолу Рима, прося отъ него опоры и защиты и платя ему за по-

кровительство безпрестанно возрастающею покорностью. Римскіе епископы, окруженные племенами Аріанскихъ завоевателей, искали съ своей стороны между завоевателями такого народа, который могъ бы сдѣлаться защитникомъ Никейскаго исповѣданія. Они нашли его въ дружинѣ Клодовика, и постоянный союзъ Римскаго духовенства отдалъ на многіе вѣка всю судьбу Западной Европы въ руки Франковъ.

Основаніемъ имперіи Карла Великаго значеніе Папства возвысилось еще болѣе, ибо папа въ этомъ случаѣ явился возстановителемъ Имперіи и наслѣдникомъ правъ древняго Рима.

IV, 704. Епископъ Римскій, какъ духовный владыка и единственный неоспоримый преемникъ апостольскаго престола на Западѣ, а еще болѣе какъ пастырь церковнаго стада въ древней міродержавной столицѣ, считался всегда почетнѣйшимъ изъ христіанскихъ епископовъ и вскорѣ былъ облеченъ общимъ признаніемъ въ званіе верховнаго судіи по дѣламъ церковнымъ во всѣхъ Западныхъ епархіяхъ.

Установленію такого взгляда способствовало различіе между воззрѣніями Восточнымъ и Западнымъ.

IV, 705. Иное было понятіе Эллина, иное Римлянина о вѣрѣ и церкви. Для Эллина, развившаго человѣческую личность до крайней степени умственнаго совершенства (какое доступно человѣку, лишенному наслѣдства преданія) вѣра была принадлежностью лица и лицо основою Церкви. Изъ гармоническаго единства и тождества духовныхъ убѣжденій составлялось всеобщее вѣрованіе Церкви, неоспоримое и безошибочное, какъ выраженіе истины, переданной Богочеловѣкомъ Иисусомъ и постоянно вдыхаемой животворящимъ Божественнымъ Духомъ; изъ жизненнаго единства всѣхъ обновляющихъ лицъ составлялась внутренняя и ви́шняя жизнь Церкви, содержащей полноту земной христіанской общины и отражающей въ себѣ всемірную общину благодатныхъ духовъ. Такимъ образомъ Церковь въ глазахъ Эллина была явленіемъ міровымъ. Для Римлянина, создавшаго самое могучее изъ всѣхъ государствъ и науку права, доведенную до возможнѣйшаго совершенства логической послѣдовательности, вѣра была закономъ, а Церковь явленіемъ земнымъ, общественнымъ и государственнымъ, подчиненнымъ высшей волѣ невидимаго міра и главы его Христа, но въ тоже время требующимъ единства условнаго и видимыхъ символовъ этого правительственнаго единства. Символь единства и постоянное выраженіе его законной власти долженъ былъ находиться въ Римскомъ епископѣ, какъ пастырѣ всемірной столицы.

IV, 706. Древній Римъ налагалъ свою печать на новое Христіанство Запада. Гордость прежней власти и прежняго утраченнаго величія была наслѣдствомъ, отъ котораго не могли отказаться ни Римляне позднѣйшей эпохи, ни ихъ духовные пастыри. Но кромѣ этой своекорыстной и эгоистической страсти, невольно заражавшей лучшихъ и достойнѣйшихъ владыкъ Римскаго престола, должно еще признать другую причину ихъ односторонняго понятія о Церкви, менѣе предосудительную въ нравственномъ отношеніи, но еще болѣе гибельную въ своихъ послѣдствіяхъ, ибо она заключалась не въ личныхъ страстяхъ папъ, или Римлянъ, или жителей одной Италіи, но въ направленіи всего умственнаго развитія на Западѣ. Эта причина была ничто иное какъ односторонность самаго Западнаго просвѣщенія. Оно не было произведеніемъ самобытной дѣятельности туземной мысли, пробужденной къ многостороннимъ проявленіямъ дѣйствіемъ собственной исторической судьбы или вліяніемъ чуждаго просвѣщенія. Темный Западъ еще не созналъ въ себѣ своей собственной мысли. Онъ принялъ просвѣщеніе извнѣ, но не какъ живую силу, пробуждающую внутренній духъ человѣка, а какъ готовый плодъ чужой жизни; онъ принялъ его въ самой грубой и внѣшней его формѣ, въ формѣ общественнаго быта и государственнаго закона. Галлы, Иберцы, Британцы и нѣкоторые Германскія семьи силою Римскаго меча были заключены въ просвѣщеніе; кромѣ нѣкоторыхъ началъ безполезнаго и общественнаго художества они узнали отъ него и полюбили только выгоды правильнаго гражданскаго быта и логику государственной полиціи, и вся ихъ скудная умственная дѣятельность была заключена въ темномъ стремленіи къ новому развитію права. Эта дѣятельность, убитая въ отношеніи къ жизни государственной и гражданской Германскимъ завоеваніемъ, обратилась на единственное еще свободное поприще—Церковь, которая сама являлась имъ въ видѣ государства, единственнаго ими сознанаго проявленія человѣческой мысли.

Поэтому главная задача Западнаго міра, главное его требованіе, выразившееся въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, были построение Церкви въ государственную форму. Одинакова была важность соборовъ на Востокѣ и на Западѣ, но значеніе ихъ было различно. На Востокѣ они были только выраженіемъ общаго мнѣнія. Рѣшенія ихъ (кромѣ частныхъ положеній объ обрядѣ или порядкѣ церковномъ) были изложеніемъ общихъ началъ вѣры въ строгой опредѣленности догматической логики или изложеніемъ общихъ преданій. Сознаніе всей общины, принимающей это изложеніе и признающей его полное согласіе съ преданіемъ и вѣрою уже существующею, но до тѣхъ поръ неопредѣленною и логически неясною, доставляло собору всю его силу и

неоспоримость для будущихъ вѣковъ. На Западѣ тѣже соборы облечены были общимъ мнѣніемъ въ правительственные права, не подлежащія никакому суду, и рѣшенія ихъ имѣли силу сами по себѣ, независимо отъ повѣрки общины. На Востокѣ слово соборовъ было свидѣтельствомъ, на Западѣ—приговоромъ.

Но случайность соборовъ, ихъ невозможность въ обыкновенное время и постоянная необходимость правленія для Церкви, сознаваемой какъ государственное общество, должны были привести къ убѣжденію въ существованіи власти видимой и всегда присутствующей для разрѣшенія всѣхъ вопросовъ, возникающихъ въ видимой и духовной жизни Церкви, а престолъ всемірной столицы и верховнаго Апостола казался самымъ естественнымъ хранителемъ этой необходимой власти. Такимъ образомъ самая сущность просвѣщенія, завѣщаннаго Римомъ всѣмъ своимъ Западнымъ областямъ, должна была по необходимости обратить Церковь въ духовное государство и облечь папъ, почти безъ ихъ воли, въ то царственное значеніе, котораго они достигли въ десятомъ, одиннадцатомъ и двѣнадцатомъ вѣкахъ.

Въ складѣ Западно-христіанскихъ воззрѣній сказалось начало несравненно болѣе древнее.

IV, 956. Христіанство было продолженіемъ и конечнымъ заключеніемъ преданія о свободно-творящемъ духѣ и свободѣ духовной. Его торжество нанесло, повидимому, рѣшительный ударъ Кушитскимъ религіямъ, поклоненію органической необходимости, въ какой бы формѣ она ни являлась, и всѣмъ религіямъ, основаннымъ на условномъ умствованіи или условной символизаци; но трудно было сохранить неприкосновенною его первоначальную строгость и чистоту въ волненіяхъ жизни государственной, утвержденной на условіяхъ вольныхъ или невольныхъ и въ движеніяхъ мысли, черпающей матеріалъ своихъ познаній изъ наукъ, выработанныхъ міромъ, вполне принадлежавшимъ системѣ Кушитской. Западные народы, понявъ самую Церковь какъ государство вѣры, ввели прежнія начала въ самыя пѣдра ученія, которое приняли отъ первыхъ проповѣдниковъ Христіанства. Цѣльность свободнаго духа была разбита раціонализмомъ, скрытымъ подъ формою юридическою. Не человѣкъ-христіанинъ уже былъ точкою отправления общей мысли, не изъ согласія внутренняго всѣхъ христіанъ образовалась Церковь (видимый и земной отдѣлъ Церкви всемірной): нѣтъ, Церковь земная получала самостоятельность и власть. Христіане являлись какъ подданные, покорные рѣшеніямъ этой власти. Представители Церкви отдѣлялись естественно отъ ея подданныхъ и должны были получить названіе соответствующее своему новому значенію — церковниковъ (Ecclesiastici) въ отличіе отъ народа (Laici).

Іерархія могла замкнуться или въ видѣ постоянного собора чиновниковъ земной Церкви, рѣшающихъ все вопросы объ ея коренныхъ законахъ (догматахъ вѣры), или въ лицѣ правителя. Первые соборы, имѣвшіе на Востоцѣ значеніе съѣзда избранниковъ отъ всего христіанскаго міра, объявляющихъ общее убѣжденіе съ общаго согласія, имѣли въ глазахъ Запада значеніе законодательныхъ собраній, неподчиненныхъ никакому суду народнаго мнѣнія. Такова была первая эпоха. Раствореніе союза съ Востокомъ, убѣжденіе, что явное разногласіе, происходящее постоянно во всехъ соборныхъ совѣщаніяхъ и примиряемое согласіемъ повидному условнымъ, было противно понятію о безусловной истинѣ рѣшеній; наконецъ, несомнѣнно признанное превосходство папскаго престола привели Западную общину въ ея вторую эпоху, передавъ всю власть законодательную папѣ. Востокъ предполагалъ и предполагаетъ до сихъ поръ вдохновеніе свыше ниспосылаемое всей церковной общинѣ, вслѣдствіе ея богоугодной жизни и ея свободной полноты. Западъ, предположивъ сначала законодательное право въ собраніяхъ совѣщательныхъ, передалъ это право одному епископу, владыкѣ древнѣйшаго и почетнѣйшаго изъ Западныхъ престоловъ, и облекъ его въ исключительную боговдохновенность, не имѣющую ничего общаго со всеми другими жизненными явленіями въ немъ или въ церковномъ обществѣ. Онъ сдѣлался Божіимъ намѣстникомъ на землѣ, былъ признанъ въ этомъ качествѣ, и такое опредѣленіе видимой главы всей Церкви опредѣлило весь характеръ Римскаго Католицизма.

Церковь стала виѣшностью для ея подданныхъ и виѣшностью даже для ея чиновниковъ (въ отношеніи къ ихъ человечеству), какъ всякое государство. Религія, идея воплотѣ Римская, какъ и самое слово, стала на мѣсто вѣры. Нравственный законъ получилъ значеніе обязанности, обуславливающей право, а не закона или нормы, нераздѣльной съ сущностью или внутреннимъ опредѣленіемъ духа. Дѣло получило значеніе подвига, а не плода естественнаго, возникающаго изъ глубины душевной; грѣхъ сдѣлался проступкомъ, а не порчею внутреннею или ея признакомъ; отпаденіе отъ общины церковной наказаніемъ, а не послѣдствіемъ сознанаго разлада; обрядъ службою, а не естественнымъ выраженіемъ живаго единства, высказывающаго въ художественныхъ образахъ свою общую жизнь; вѣра сама—виѣшнымъ знаніемъ, приобретаемымъ или ниспосылаемымъ (ибо для науки эти два предположенія даютъ одинакіе выводы, оставляя вѣру въ категоріяхъ логическаго разсудка). Изъ этой теоріи, существовавшей издавна, но выказывавшей себя все болѣе и болѣе, возникли, какъ законныя послѣдствія, понятія о правѣ и заслугѣ сверхъ права и объ уплатѣ долга, накаплиющагося отъ нарушеній обязанностей, излишкомъ

заслугъ своихъ или чужихъ и пр. Жертва получила значеніе очистительной силы; молитва, совершаемая общенародно на языкѣ непонятномъ для народа, получила значеніе талисманическое или заклинательное съ силою принудительною для высшаго міра. Преданіе, отрываясь отъ писанія (которое есть ни что иное какъ записанное преданіе и вскорѣ было отнято отъ мірянъ), сдѣлалось въ полнотѣ своей привилегіею іерархіи и уже не развитіемъ преданія древнѣйшаго (писанія), но его дополненіемъ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе медленныхъ измѣненій и постепеннаго развитія, совершенныхъ всею Западною міромъ подъ предводительствомъ Италіи, Христіанство приняло въ себя почти все стихіи древняго Кушитства: условность въ ея государственной формѣ, заклинательный характеръ дѣла и молитвы и талисманизмъ внѣшняго образа. Таковъ былъ характеръ Западной Церкви, когда ея глава почувствовалъ зрѣлость всехъ ея силъ и когда стихія Италійская потребовала и получила первое и правительственное мѣсто между всеми новыми народами, составившими Романо-германскую область, или признавшими ея мысленное державство.

Но еще единство Запада съ Востокомъ не было открыто нарушено.

Поводъ къ разрыву данъ былъ Испаніею.

IV, 712. Въ спорѣ между духовенствомъ Испанскимъ и Аріанами желаніе возвеличить второе лицо въ Божествѣ, отвергаемое Готами-Аріанами, заставило искать всехъ возможныхъ доказательствъ единсущности Сына и Отца и воспользоваться слабыми указаніями отцевъ, говорившихъ о двойственномъ происхожденіи Духа. Грубыя и внѣшнія понятія богослововъ крайняго Запада не достаточны были для различенія между внѣшнимъ проявленіемъ и внутреннимъ дѣйствіемъ въ Божествѣ. Крайнее невѣжество того времени, доказанное многими свидѣтельствами, особенно же въ отношеніи къ Греческой церковной словесности, усилило ошибку.

На Толедскомъ соборѣ въ VII-мъ столѣтіи послѣ Р. Х. сдѣлано было извѣстное прибавленіе «и отъ Сына» къ изложенію вѣры или символу Никео-Константинопольскому. Мало по малу это прибавленіе стало вкрадываться во все общины Запада, особенно же южной Галліи. Побѣды Аравитянъ и паденіе царства Вестъ-Готскаго не остановили распространенія новаго исповѣданія. Ослабленіе Восточной имперіи, до половины завоеванной Мусульманами, удаляло воспоминаніе объ ней; возрастающая сила Запада въ первую эпоху Карловниговъ, т. е. при дѣдѣ и отцѣ Карла Великаго, увеличивала самоувѣренность и гордость Гермапо-Романскихъ областей; наконецъ, бѣгство многихъ

изъ Испанскихъ духовныхъ людей въ южную Галлію, потомъ завоеванія Франковъ въ Испаніи и, такъ сказать, сліяніе двухъ народовъ, Франкского и Гото-Романскаго, ускорили принятіе символа Толедскаго почти во всемъ Западѣ. Невольное стремленіе всѣхъ было только выражено Испанією прежде другихъ; оно должно было отозваться вездѣ, гдѣ лежали тѣже начала готовыя, хотя еще и не выразившіяся. На всемъ Западѣ была таже чисто-внѣшняя жизнь, таже неспособность оторваться отъ нея и углубиться во внутренній смыслъ философско-догматическихъ опредѣленій. Наконецъ, двуначальность Запада во всѣхъ отношеніяхъ, важность факта въ мірѣ созданномъ случайнымъ условіемъ завоеванія, и преобладающее значеніе данныхъ въ Римскомъ правѣ (единственной основѣ всей западной мысли) заставляли невольно переносить ту же самую двуначальность земную въ мірѣ невидимый и признавать происхожденіе жизненнаго сознанія (Духа) не отъ мысли одной, но отъ первобытной мысли (Отца) и отъ перваго ея проявленія или факта (Сына). Это несознанное стремленіе увлекало всѣхъ.

Когда прибавленіе къ символу было отдано на судъ папѣ, онъ отвергъ его подъ тѣмъ предлогомъ, что не слѣдуетъ нарушать постановленія собора, запретившаго всякое измѣненіе въ символѣ, вѣроятно же по той причинѣ, что предчувствовалъ и боялся разрыва съ Востокомъ. Западные общины настаивали и грозились отторженіемъ отъ Римскаго престола, ибо понятіе о правахъ его были еще шатки. Устрашенный, и можетъ быть отчасти убѣжденный, папа допустилъ новое исповѣданіе, но не какъ обязательное. Его преемникъ, нуждаясь въ Греческой помощи, снова готовъ былъ рѣшительно отвергнуть переменѣ въ символѣ и, желая дать Востоку явное доказательство своего Православія, велѣлъ выставить въ главномъ Римскомъ соборѣ Никео-Константинопольское исповѣданіе въ его неизмѣнной формѣ. Но неудержимое стремленіе Запада къ самостоятельности духовной должно было принести свои плоды.

Измѣненный символъ вошелъ въ общее употребленіе на Западѣ не вслѣдствіе соборнаго рѣшенія или торжественнаго признанія, но вслѣдствіе общаго согласія, обратившагося въ обычай и одобреннаго Римскимъ епископомъ.

Папы, скоро согласившіеся на измѣненіе символа, утвердили наконецъ переменѣ собственною властію своею. По характеру мысли они не могли не соглашаться съ остальнымъ Западомъ; по притязаніямъ на первое мѣсто въ церковномъ правленіи они не могли подвергнуть приговора своего суду тѣхъ епископовъ, отъ которыхъ они наименѣе могли ожидать согласія на подчиненность. Такимъ образомъ разрывъ уже былъ дѣйствительно совершенъ, хотя современники и современные лѣтописцы какъ будто еще не подозрѣвали его.

Около половины IX-го вѣка возшелъ на Римскій престолъ Николай I-й, властитель честолюбивый и коварный, но понимавшій всю важность своего историческаго поприща, одаренный смѣлостью, которая не боялась никакой борьбы, и умомъ, который могъ преодолѣть всякія препятствія. Римъ уже чувствовалъ свое призваніе и изготавлялъ свои орудія. Собраны были всѣ свидѣтельства о правахъ и преимуществахъ, данныхъ императорами епископамъ древней столицы, всѣ рѣшенія частныхъ и помѣстныхъ или вселенскихъ соборовъ, подтверждающія ихъ притязанія. Временному и случайному дано значеніе постоянного и всеобщаго; исключительному или спорному значеніе несомнѣннаго и правомѣрнаго; наконецъ, для пополненія еще недостающихъ основъ и подпоръ будущаго церковно-государственнаго зданія, допущено и составлено множество подлоговъ въ видѣ данныхъ, епископскихъ приговоровъ или императорскихъ постановленій. Иное было сдѣлано въслѣдствіе темныхъ преданій и слуховъ, иное въслѣдствіе общаго мнѣнія о правахъ папскихъ, иное въ согласіи съ памятниками подлинными, но дурно понятыми, иное наперекоръ всѣмъ свидѣтельствамъ древнимъ; но все принято съ равною вѣрою невѣжествомъ тогдашняго вѣка и всеобщимъ желаніемъ утвердить Церковь, дать ей независимость и поручить ея духовной охранѣ правду и права человѣческія, нагло попираемыя мѣстными правительствами. Папы и духовенство Італіи, въ которой Греки и Восточная Церковь утратили всѣ свои владѣнія и силу, допускали и очевидно поощряли эту неслышную, но грозную работу церковныхъ правовѣдцовъ. Такъ въ числѣ множества другихъ подлоговъ было составлено извѣстное собраніе лже-Исидоровыхъ декреталій, управлявшее всею Западною Европою въ продолженіи многихъ столѣтій. Предшественники Николая приготовили оружіе, но не смѣли еще пользоваться имъ; Николай I-й не побоялся ни рѣшительной борьбы, ни опаснаго орудія. Развратъ дома Карловинговъ и слабодушіе епископовъ, соглашавшихся на нарушеніе церковныхъ правилъ, дали ему случай напасть на сохранившіеся еще остатки независимаго высшаго духовенства въ земляхъ при-Рейнскихъ, и одержать полную побѣду, утвердившую на всегда папскую власть въ дѣлахъ духовныхъ на всемъ Западѣ; ибо позднѣйшія попытки епископовъ на самостоятельность и на восстановленіе своихъ прежнихъ правъ не заслуживаютъ никакого вниманія: это уже слабыя возстанія области покоренной и утратившей начала жизни. Общее мнѣніе, обычай и логическое развитіе всѣхъ церковно-правительственныхъ началъ рѣшили навсегда споръ въ пользу папскаго престола. Упрочивая власть свою на Западѣ, Николай I-й хотѣлъ ее распространить и на Востокъ. Онъ воспользовался раздорами Константинопольской епархіи,

которая одна изъ всѣхъ первенствующихъ епархій не пала еще въ руки Аравитянъ, и незаконнымъ выборомъ Фотія на патриаршій престолъ при жизни законнаго патриарха Игнатія. Торжество и тутъ клонилось на сторону смѣлаго и хитраго папы. Восточные епископы признали судъ его; часть новообращенныхъ Славянскихъ земель отошла отъ Константинополя къ Риму; императоры готовы были покориться Римскому духовному владыкѣ. Но Фотій перенесъ споръ изъ области сомнительныхъ юридическихъ вопросовъ, въ которыхъ ослабѣвшая Византія могла уступить побѣду могущественному Западу, въ область догматовъ, гдѣ никакая уступка не была возможнаю, и все переѣнилось: Западныя нововведенія осуждены, древнее преданіе и выраженія символа удержаны, власть Рима отвергнута, Славянскія области возвращены Цареградской епархіи, самостоятельность и независимость Востока сохранены; разрывъ Восточной Церкви и папскаго престола обнаруженъ и утвержденъ навсегда: ибо позднѣйшая ссора патриарха Керулларія съ преемниками Николая была уже неизбѣжнымъ слѣдствіемъ объявленнаго при Фотіи разногласія въ опредѣленіи догматовъ. Міръ Церкви раздѣлился, духовное единство расторгнуто. Уцѣлѣвшій Востокъ укрѣпился пріобрѣтеніемъ безконечной страны Славянской; Западъ, замкнувшійся въ своей отдѣльности, быстро пошелъ путемъ своего неизбѣжнаго развитія.

IV.

ЗАПАДНЫЯ ИСПОВѢДАНІЯ.

Латинство и Протестанство. — Отношеніе Западнаго Христіанства къ Церкви. — Западная философія. — Борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ. — Торжество неврѣд. — Отношеніе Церкви къ Западнымъ исповѣданіямъ. — Церковная полемика.

I, 148. Христіанство, въ полнотѣ своего Божественнаго ученія, представляло идеи единства и свободы, неразрывно соединенныя въ нравственномъ законѣ взаимной любви. Юридическій характеръ Римскаго міра не могъ понять этого закона: для него единство и свобода явились силами противоположными другъ другу, антагонистическими между собою; изъ двухъ началъ высшихъ показалось ему, по необходимости, единство, и онъ пожертвовалъ ему свободой. Таково было вліяніе Римской стихіи. Стихія Германская, противная Римской, удержала бы за собою другое начало, но этого быть не могло: она сама являлась въ Западной Европѣ завоевательницею, насильницею. Вслѣдствіе своего положенія она приняла въ себя тоже начало, которое принимала Римская стихія вслѣдствіе своего внутренняго характера.

И такъ Западная Европа развивалась не подъ вліяніемъ Христіанства, но подъ вліяніемъ Латинства, т. е. Христіанства односторонне - понятнаго, какъ законъ ви́шняго единства. Тотъ, кто понимаетъ исторію, можетъ легко усмотрѣть постепенное развитіе этого начала въ идеѣ Всехристіанства (*tota Christianitas*), понятнаго какъ государство, въ борьбѣ императоровъ и папъ, въ крестовыхъ походахъ, въ военно-монашескихъ орденахъ, въ принятіи одного церковно-дипломатическаго языка (Латинскаго), и т. д. Онъ увидить, что и вся жизнь Запада была проникнута этимъ началомъ и развивалась въ полной зависимости отъ него, въ іерархіи феодальной, въ аристократизмѣ, въ понятіи о правѣ, въ понятіи о государственной власти, и т. д.

Таковъ былъ первый періодъ Западной исторіи; второй былъ періодомъ реакціи. Односторонность Латинства вызвала противодѣйствіе, и мало по малу, послѣ многихъ неудачныхъ попытокъ, послѣ долгой борьбы, наступилъ періодъ Протестантства, односторонняго какъ и Латинство, но односторонняго въ направленіи противоположномъ первому: ибо Протестантство удерживало идею свободы и приносило ей въ жертву идею единства. Иначе и быть не могло, ибо примиреніе было невозможно для Запада, воспитаннаго началомъ Латинства, подъ условіями завоеванія Германскаго и юридической формальности Римской. Вся новая исторія Европы принадлежитъ Протестантству, даже въ земляхъ, сlyingущихъ за Католическія. Какъ идея единства Латинскаго была ви́шняя, такъ и идея свободы Протестантской была ви́шнею; ибо свобода, отрѣшенная отъ идеи разумнаго содержанія, есть понятіе чисто-отрицательное и слѣдовательно ви́шнее. Протестантство удерживалось въ продолженіи нѣсколькихъ вѣковъ отъ совершеннаго самоуничтоженія только посредствомъ произвольныхъ условій; но оно носило въ себѣ сѣмена своей собственной гибели, и этимъ сѣменамъ надобно было по необходимости развиться. Они развились. Въ области религіи догматической Протестантство исчезло и перешло въ неопредѣленность философскаго мышленія, т. е. философскаго скепсиса; въ области жизни общественной оно перешло въ то состояніе безпредѣльнаго броженія, которымъ потрясенъ Западный міръ. Произвольныя условія не могли устоять ни противъ требованій разумной критики, ни противъ личныхъ страстей; ибо условіе произвольное не можетъ заключать въ самомъ себѣ собственнаго освященія: оно можетъ только освящаться извнѣ, а всякое начало освящающее было уже уничтожено Протестантствомъ. Въ наше время судъ исторіи совершается и совершится надъ Латинствомъ и Протестантствомъ. Таковъ смыслъ современнаго движенія.

Первые шаги Протестантства, казалось, обѣщали обновленіе церковной жизни.

I, 210. Проснулась надежда основать убѣжденія чловѣка на началахъ высшихъ, чѣмъ раціонализмъ и юридическая формальность; проснулась надежда найти спасеніе въ томъ духовномъ мірѣ, который Создателемъ положенъ въ основу обновленному чловѣчеству. Очистительнымъ громомъ прогремѣли надъ Европейскимъ Западомъ торжественные звуки Слова Божія, почти умолкнувшіе въ продолженіе болѣе чѣмъ столѣтія; порывъ пламенной вѣры и дѣятельной любви оживилъ всѣ нравственныя силы. Свѣжее и бодрое Протестантство, полное юныхъ мечтаній и какой-то строгой поэзіи, облагородило личность чловѣка и влило новую кровь даже въ истощенныя жилы одряхлѣвшаго Латинства. Нестройное разложеніе остановилось, но не надолго.

Самое Протестантство было плодомъ раціональнаго направленія. Его формы, его строго-логическій ходъ были торжествомъ раціонализма, выступавшаго впередъ явно и сознательно изъ Римскаго ученія, въ которомъ онъ заключался безсознательно и тайно. Его подвигъ сдѣлался яснѣе, послѣдовательнѣе и строже. Скоро разорваны были пеленки, въ которыхъ еще скрывалось его дѣтство, и Фейербахи нашего времени начали свою разрушительную работу въ лицѣ Цвингліевъ и Карлштатовъ XVI-го вѣка. Это поняли уже первые Римскіе противники Протестантства; они сказали правду въ своихъ полемическихъ сочиненіяхъ, но они не сознали и сознать не могли, что односторонняя разсудочность реформаторовъ была ничто иное, какъ развитіе начала, завѣщаннаго Римомъ и возвращеннаго Папствомъ. Въ науку духовную Протестанты не внесли ничего новаго и живаго; это было невозможно. Они не возстановили и, вслѣдствіе своего умственнаго воспитанія, не могли возстановить той цѣльности и полноты, которыя составляютъ сущность Христіанства и которыя утрачены были на Западѣ съ самаго времени его отпаденія. Они приняли всю односторонность мысли, которую застали преобладающею и властвующею; они приняли всѣ ея опредѣленія, отрицая только приложенія опредѣленій, ими же допущенныхъ; и, разорвавъ поневолѣ цѣпь преданія, они наложили на искусственное зданіе своихъ новыхъ исповѣданій неизгладимую печать юридическаго утилитарства или разсудочной полезности, возведенной въ законъ всего духовнаго міра.

Источникъ обоихъ Западныхъ исповѣданій (раціонализмъ) все болѣе и болѣе обнаруживается въ ихъ взаимной борьбѣ.

II, 75. Критика серіозная, хотя сухая и недостаточная, ученость обширная, но расплывающаяся по недостатку внутренняго единства, строгость прямодушная и трезвая, достойная первыхъ вѣковъ Церкви, при узкости воззрѣній, замкнутыхъ въ предѣлахъ индивидуализма;

пламенные порывы, въ которыхъ какъ будто слышится признаніе ихъ неудовлетворительности и безнадёжности когда либо обрѣсти удовлетвореніе; постоянный недостатокъ глубины, едва замаскированный полупрозрачнымъ туманомъ произвольнаго мистицизма; любовь къ истинѣ при безсиліи понять ее въ ея живой реальности; словомъ, раціонализмъ въ идеализмъ — такова доля Протестантовъ. Сравнительно бѣднѣйшая широта воззрѣній, далеко впрочемъ недостаточная для истиннаго Христіанства; краснорѣчіе блистательное, но слишкомъ часто согрѣваемое страстью; поступъ величавая, но всегда театральная; критика почти всегда поверхностная, хватающаяся за слова и мало проникающая въ понятія; эффектный призракъ единства, при отсутствіи единства дѣйствительнаго; какая-то особенная ограниченность религиозныхъ требованій, никогда не дерзающихъ подниматься высоко и потому легко находящихъ себѣ дешевыя удовлетворенія; какая-то очень неровная глубина, скрывающая свои отмели тучами софизмовъ; сердечная, искренняя любовь къ порядку ви́шнему при неуваженіи къ истинѣ, то есть къ порядку внутреннему; словомъ, раціонализмъ въ матеріализмъ — такова доля Латинянъ.

Среднее положеніе между двумя господствующими западными исповѣданіями занимаетъ Англикаństwo. Искренніе люди въ немъ колеблются между двумя крайностями и, наконецъ, начинаютъ обращать взгляды свои на Востокъ.

Но западному христіанину, даже самому ревностному и искреннему въ своей личной вѣрѣ, не легко отречься отъ вѣковыхъ заблужденій и понять жизнь Церкви и отношеніе къ ней каждаго отдѣльнаго вѣрующаго.

II, 115. Песчинка, дѣйствительно, не получаетъ новаго бытія отъ груди, въ которую забросилъ ее случай: таковъ человѣкъ въ Протестанствѣ. Кирпичъ, уложенный въ стѣнѣ, нисколько не измѣняется и не улучшается отъ мѣста, назначеннаго ему наугольникомъ каменьщика: таковъ человѣкъ въ Романизмѣ. Но всякая частица вещества, усвоенная живымъ тѣломъ, дѣлается неотъемлемою частью его организма и сама получаетъ отъ него новый смыслъ и новую жизнь: таковъ человѣкъ въ Церкви, въ тѣлѣ Христовомъ, органическое основаніе котораго есть любовь. Очевидно, люди Запада не могутъ ни понять ея, ни участвовать въ ней, не отрекшись отъ раскола, который есть ея отрицаніе: ибо Латинянинъ думаетъ о такомъ единствѣ Церкви, при которомъ не остается слѣдовъ свободы христіанина, а Протестантъ держится такой свободы, при которой совершенно исчезаетъ единство Церкви. Единство, какъ понимаютъ его Латиняне, есть Церковь безъ

христіанина; свобода, какъ понимаютъ ее Протестанты, есть христіанинъ безъ Церкви. Мы же исповѣдуемъ Церковь единую и свободную. Она пребываетъ единою, хотя у нея нѣтъ официальнаго представителя ея единства, и свободною, хотя свобода не обнаруживается разъединеніемъ ея членовъ. Эта Церковь, позволю себѣ выразиться словами Апостола, есть соблазнъ для іудействующихъ Латинянъ и юродство для эллиствующихъ Протестантовъ; для насъ же она есть открытіе безконечной Божіей премудрости и милости на землѣ.

Чтобы вполне опредѣлить отношеніе Церкви къ Латинству и Протестантству, необходимо прослѣдить послѣднее въ его продолженіи—Германской философіи, и въ конечномъ выводѣ—невѣріи.

Протестантство, подчинившее область вѣры логическому разсудку, слѣдовательно заключавшее рационализмъ въ самой своей основѣ, было исходною точкою Германской философіи.

I, 300. Реформа разрушила внутреннее спокойствіе человѣческаго духа въ Германіи, подкопавъ не только вѣру, основанную на односторонности авторитета, но самое чувство вѣры, брошенной произволу частной критики. Правда, цѣлый рядъ ученій, болѣе или менѣе удачныхъ, старался возстановить это нарушенное спокойствіе духа посредствомъ произвольныхъ сдѣлокъ между безусловною, узаконенною критикою и условной религіею; но ума человѣческаго не обманешь навсегда. Германія смутно сознавала въ себѣ полное отсутствіе религіи и переносила мало-по-малу въ нѣдра философіи всѣ требованія, на которыя до тѣхъ поръ отвѣчала вѣра. Кантъ былъ прямымъ и необходимымъ продолжателемъ Лютера.

Философская школа неуклонно продолжала свое дѣло.

I, 273. Кругъ отвлеченнаго, чисто-разсудочнаго мышленія ею обойденъ и очерченъ, законы его опредѣлены строго и отчетливо, и опредѣлены для всего человѣчества и для всѣхъ временъ.

Но въ чемъ же состояла односторонность и, слѣдовательно, ограниченность самой школы?... Она состояла въ томъ, что философія разсудка считала себя философіею разума.

I, 291. Кратчайшее выраженіе задачи Германіи есть *«возсозданіе цѣльнаго разума (т. е. духа) изъ понктій разсудка»*.

I, 293. Чтобъ увидѣть разомъ весь путь, пройденный школою отъ Канта до Гегеля, достаточно одного примѣра. Начальникъ школы говорилъ: «Вещи (предмета) мы не можемъ знать въ ней самой». Довершитель школы говорить: «Вещь (предметъ) въ себѣ самой не существуетъ; она существуетъ только въ знаніи (понятіи)».

I, 296. Общая ошибка всей школы, еще не ясно выдающаяся въ ея основателѣ Кантѣ и рѣзко характеризующая ея довершителя Гегеля, состоитъ въ томъ, что она постоянно принимаетъ движеніе понятія въ личномъ пониманіи за тождественное съ движеніемъ самой дѣйствительности (всей реальности). Пути понятія и реальности дѣйствительно тождественны, но тождественны, какъ лѣстница одна и таже для восходящаго и нисходящаго. Путь тотъ же, да движеніе діаметрально противоположно. Для понятія вещь создается, и потому она есть или можетъ быть; въ реальности же она есть, и потому она создается или можетъ быть признана.

I, 274. Мы можемъ сказать, что мы пережили Нѣмецкую философію, ибо поняли ея односторонность не смутнымъ пониманіемъ неудовлетвореннаго духа, но яснымъ сознаніемъ разума. Діалектическое развитіе Кантовой школы не отражаетъ вполне познаваемого (объекта), ибо отражаетъ его безъ его дѣйствительности. Она не только не есть философія всецѣлаго разума, но она даже и не есть философія проявленнаго (объективированнаго) разума; ее должно признать наукою діалектическаго разсудка (аналитическаго разума), и въ этомъ смыслѣ она есть великій и безсмертный памятникъ человѣческаго генія.

Философскій раціонализмъ Гегеля породилъ матеріализмъ его учениковъ.

I, 312. Оба же, и раціонализмъ чистый, и матеріализмъ, суть не что иное, какъ двѣ стороны одной и той же системы, которую слѣдуетъ назвать системою *нецессарианизма*, иначе безвольности.

Одновременно и рядомъ съ работою философской мысли продолжается борьба между Латинствомъ и Протестантствомъ.

II, 75. Въ каждую минуту каждая изъ воюющихъ сторонъ можетъ похвалиться блистательною побѣдой; и между тѣмъ обѣ оказываются постоянно разбитыми, а поле битвы остается за невѣріемъ. Оно бы давно и окончательно имъ овладѣло, еслибы потребность вѣры не заставляла многихъ закрывать глаза передъ непоследовательностью религіи, принятой ими по невозможности безъ нея обойтись, и еслибы таже потребность не заставляла держаться разъ принятой религіи даже тѣхъ, которые серьезно въ нее не вѣруютъ.

II, 144. Окончательное торжество религіознаго скептицизма еще не наступило; но и въ настоящее время можно утвердительно сказать обо всей Западной Европѣ, что у нея нѣтъ никакой религіи, хотя она и не смѣетъ еще признаться въ этомъ себѣ самой.

II, 145. Кажется, мы дали бы самое точное опредѣленіе настоящаго состоянія, сказавъ, что Латинская идея *религии* превозмогла надъ Христіанскою идеею *вѣры*, чего доселѣ не замѣчаютъ. Мірѣ утратилъ вѣру и хочетъ имѣть религію, какую-нибудь; онъ требуетъ религіи вообще. Поэтому только въ безвѣріи и можно теперь встрѣтить неподдѣльную искренность, и замѣчательно, что обыкновенно нападаютъ на безвѣріе не за то, что оно отвергаетъ вѣру (въ чемъ однако заключается его вина, а за то, что оно дѣлаетъ это откровенно, то-есть за его честность и благородство.

II, 146. И религіозный махіавелизмъ правительствъ, и шаткая религіозность отдѣльных лицъ видятъ передъ собою, въ близкомъ будущемъ, угрожающее лицо торжествующаго безвѣрія.

Таково современное религіозное состояніе Запада. Отношеніе къ нему Церкви вполне опредѣленно.

Папство изобрѣло унию.

II, 70. Романизмъ можетъ допустить такое сліяніе, но Церковь не знаетъ сдѣлокъ въ догматахъ и въ вѣрѣ. Она требуетъ единства полного, не менѣе; за то она даетъ въ обмѣнъ равенство полное; ибо знаетъ братство, но не знаетъ подданства. Итакъ, сближеніе невозможно безъ полного отреченія со стороны Римлянъ отъ заблужденія, длившагося болѣе десяти вѣковъ. Но не могъ ли бы соборъ закрыть бездну, отдѣляющую Римскій расколъ отъ Церкви? Нѣтъ, ибо тогда только можно будетъ созвать соборъ, когда предварительно закроется эта бездна.

II, 72. Соборъ дотолѣ невозможенъ, пока Западный міръ, вернувшись къ самой идеѣ собора, не осудитъ напередъ своего посягательства на *соборность* и всѣхъ истекшихъ отсюда послѣдствій, иначе: пока не вернется къ первобытному символу и не подчинитъ своего мнѣнія, которымъ символъ былъ поврежденъ, суду вселенской вѣры. Однимъ словомъ, когда будетъ ясно понято и осуждено раціонализмъ, ставящій на мѣсто взаимной любви гарантію человѣческаго разума или иную: тогда, и только тогда, соборъ будетъ возможенъ. И такъ, не соборъ закроетъ пропасть; она должна быть закрыта, прежде чѣмъ соборъ соберется. Одинъ Богъ знаетъ часъ, предуставленный для торжества истины надъ извращеніемъ людей, или надъ ихъ немощью. Этотъ часъ наступитъ, мы въ этомъ не сомнѣваемся; а до тѣхъ поръ, открыто ли выступаетъ раціонализмъ, какъ въ реформѣ, или подъ личиною, какъ въ Папизмѣ, Церковь будетъ относиться къ нему одинаково: съ состраданіемъ, жалѣя о заблужденіи и ожидая обращенія; но другаго рода отношеній къ обѣимъ половинамъ Западнаго раскола у Церкви не можетъ и быть.

Православные богословы вели и ведутъ съ Западомъ полемику.

II, 384. Полемика—дѣло частныхъ лицъ и никогда не можетъ имѣть церковнаго, соборнаго значенія. Но каждый членъ Церкви обязанъ, по мѣрѣ силъ и разумѣнія, разъяснять и проповѣдывать церковную истину.

II, 32. Какъ откровеніе Божественной истины на землѣ, будучи предназначено, по самому существу своему, сдѣлаться общимъ отечествомъ для всѣхъ людей, Церковь ни одному изъ чадъ своихъ не разрѣшаетъ молчанія передъ клеветою, противъ нея направленною и клонящеюся къ извращенію ея догматовъ или ея началъ. Область государства—земля и вещество; его оружіе—мечъ вещественный. Единственная область Церкви—душа; единственный мечъ, которымъ она можетъ пользоваться, который и врагами ея можетъ быть съ нѣкоторымъ успѣхомъ противъ нея обращаемъ, есть слово. Поэтому, каждый изъ членовъ Церкви не только можетъ по праву, но несетъ обязанность отвѣчать на клеветы, которымъ она подвергается. Молчаніе въ этомъ случаѣ было бы преступленіемъ не только по отношенію къ тѣмъ, которые пользуются счастьемъ принадлежать къ Церкви, но также, и въ еще большей степени, по отношенію къ тѣмъ, которые могли бы удостоиться того же счастья, еслибы ложныя представленія не отклоняли ихъ отъ истины. Всякій христіанинъ, когда до него доходятъ нападки противъ вѣры, имъ исповѣдуемой, обязанъ, въ мѣру своихъ познаній, оборонять ее, не выжидая особаго на то уполномочія: ибо у Церкви нѣтъ официальныхъ адвокатовъ.

II, 332. Выступая на полемическое поприще, вѣрующій не долженъ бояться за православность своей мысли. Если мы приняли духъ Евангелія, то слова наши будутъ согласны съ текстами; если же нѣтъ, то и тексты мы приведемъ и поймемъ криво.

V.

ХРИСТИАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Земной удѣлъ христіанина. — Общеніе молитвы. — Отношеніе человека къ ближнимъ. — Семья.

Для того чтобы не отклониться отъ истины, чтобы мыслить и учить по христіански, нужно прежде всего по христіански жить.

I, 238. Въ Церкви ученіе не отдѣляется отъ жизни. Ученіе живетъ, и жизнь учитъ.

II, 61. Всякое слово, внушенное чувствомъ истинно-христіанской любви, живой вѣры или надежды, есть ученіе; всякое дѣло, запечатлѣнное Духомъ Божіимъ, есть урокъ; всякая христіанская жизнь есть образецъ

и примѣръ. Мученикъ, умирающій за истину, судья, судящій въ правду (не ради людей, а ради самого Бога), пахарь, въ скромномъ трудѣ постоянно возносящійся мыслію къ своему Создателю, живутъ и умираютъ для поученія братьевъ, а встрѣтятся въ томъ нужда — Духъ Божій вложитъ въ ихъ уста слова мудрости, какихъ не найдетъ ученый и богословъ.

Но прежде всего вѣрующій долженъ пребывать въ общеніи молитвы съ братьями по вѣрѣ.

II, 21. Никто не можетъ надѣяться на свою молитву, и всякій моляся проситъ всю Церковь о заступленіи, не такъ какъ будто бы сомнѣвался въ заступничествѣ единого ходатая Христа, но въ увѣренности, что вся Церковь всегда молится за всѣхъ своихъ членовъ.

II, 123. Мы молимся, потому что не можемъ не молиться, и эта молитва всѣхъ о каждомъ и каждого о всѣхъ, постоянно испрашиваемая и постоянно даруемая, умоляющая и торжествующая въ то же время, всегда во имя Христа нашего Спасителя обращаемая къ Его Отцу и Богу, есть какъ бы кровь, обращающаяся въ тѣлѣ Церкви: она ея жизнь и выраженіе ея жизни, она глаголь ея любви, вѣчное дыханіе Духа Божія.

Истина Божественнаго откровенія и сила любви, дѣйствующая въ каждомъ изъ членовъ Церкви, должны проявляться и проявляются въ отношеніяхъ человѣка къ ближнимъ. Ближайшее поприще, ближайшій кругъ дѣятельности человѣка и христіанина—семья. Въ ней прежде всего находитъ человѣкъ приложеніе присущаго ему чувства любви.

I, 597. Любовь, какъ требованіе притязательное и себялюбивое, любовь ставящая цѣль въ лицѣ любящемъ, есть еще неотрѣшившійся эгоизмъ. Она можетъ, какъ и всякая другая страсть, доходить до изступленія, разгораться до безумія, оныянять до бѣшенства. Но въ этой степени она не имѣетъ еще ни благородства, ни нравственнаго достоинства. Какое бы ни было ея напряженіе, она не заслуживаетъ еще имени любви.—Истинная любовь имѣетъ иное, высшее значеніе. Предметъ любимый уже не есть средство: онъ дѣлается цѣлю, и любящій уравниваетъ его съ собою, если не ставитъ выше себя; иначе сказать, признавая его уже не средствомъ, а цѣлю, онъ переноситъ на него свои собственные права, часть своей собственной жизни, ради его, а не ради самого себя. Таково опредѣленіе истинной, человѣческой любви: она по необходимости заключаетъ уже въ себѣ понятіе духовнаго самопожертвованія. Безъ сомнѣнія всякая дѣятельность исходитъ отъ человѣка, отъ его внутреннихъ требованій, и слѣдовательно имѣетъ въ себѣ характеръ эгоистическій; но въ любви она перехо-

доть на высшюю степень, на степень *самоотрицающагося эгоизма*. Отъ того-то и только отъ того любовь есть нравственнѣйшее чувство, къ какому только способно духовное существо, высшее, къ чему только можетъ стремиться человѣкъ. Если есть какая нибудь обязанность въ стремленіи къ совершенству, если есть какое нибудь благородство въ челоѣчествѣ, если есть наконецъ какая нибудь истина въ понятіяхъ о нравственности и добрѣ: очевидно, что любовь есть тотъ высшій законъ, которымъ должны опредѣляться отношенія челоѣка къ челоѣку вообще, или лица разумнаго ко всему роду своему. Но этотъ законъ, всѣмъ подлежащій, многихъ къ себѣ привлекающій, исполнимъ для весьма малаго числа избранныхъ душъ. Таково внутреннее тяготѣніе эгоизма и сравнительная слабость добрыхъ началъ. Челоѣкъ стремящійся къ исполненію высокаго закона, котораго красоту онъ сознаетъ, и не находящій въ себѣ достаточной силы, ищетъ для осуществленія его (хоть въ тѣсныхъ предѣлахъ) пособія внѣшняго. Это внѣшнее пособіе находитъ онъ въ земномъ счастіи, доставляемомъ ему союзомъ съ лицомъ другаго пола, вслѣдствіе того первоначальнаго закона, который раздѣлилъ родъ челоѣческій на двѣ половины, взаимно пополняющія другъ друга, какъ въ вещественномъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Счастіе само не есть цѣль союза, но пособіе грубому челоѣческому эгоизму для полнѣйшаго осуществленія высшаго закона любви, принимающей чужую челоѣческую личность не средствомъ наслажденія, а цѣлю полнѣйшей нравственной жизни. Изъ союза, представляющаго въ четѣ типъ самого рода челоѣческаго, возникаетъ для нея цѣлый новый міръ, такъ сказать новый родъ челоѣческій, въ семьѣ, и кровная, естественная связь придаетъ слабости челоѣческой столько силъ, что она доходитъ (хоть, повторяю, въ тѣсныхъ предѣлахъ) до самоотрицанія эгоизма, то есть до искренней, истинной и дѣятельной любви. Изъ того самаго понятно, что тѣ немногіе, которые могутъ жить для закона дѣятельной всечелоѣческой любви безъ всякаго внѣшняго пособія, были бы не правы, вступая въ союзъ безполезный для высшей цѣли ихъ жизни: ибо личность, съ которою бы они сочетались, не была бы для нихъ цѣлю, но поставлена бы была на унижительную (и возвратно унижающую) степень средства въ наслажденіи или къ таѣ называемому счастію. То что возвышаетъ среднихъ было бы паденіемъ для высшихъ. Самая семья была бы стѣсненіемъ ихъ всечелоѣческой любви. Но таже самая семья есть тотъ кругъ, въ которомъ для людей обыкновенныхъ, то есть почти для всего челоѣчества, осуществляется, воспитывается и развивается истинная челоѣческая любовь, тотъ кругъ, въ которомъ она переходитъ изъ отвлеченнаго понятія и безсильнаго стремленія въ живое и дѣйстви-

тельное проявленіе. Очевидно, что всякое нарушеніе этой семейной святыни есть нарушеніе самого закона любви. Въ дѣтяхъ оживаетъ и, такъ сказать, успокоивается взаимная любовь родителей, и конечно не преувеличено бы было сказать, что они въ своихъ дѣтяхъ любятъ каждый не самого себя, а другъ друга. Въ тоже время взаимная любовь родителей и дѣтей представляетъ типъ той высокой человѣческой любви, которая въ родѣ человѣческомъ соединяетъ поколѣніе съ поколѣніемъ, а разрывъ между родителями, уничтожая связь ихъ съ дѣтьми, представляетъ безобразное и безправственное явленіе разрыва между человѣческими поколѣніями; а не должно забывать, что внутренняя нравственность каждаго поколѣнія заключается по преимуществу въ той любви и въ тѣхъ надеждахъ, которыя она обращаетъ на поколѣніе грядущее.—И такъ нарушеніе святыни семейной есть нарушеніе всѣхъ законовъ любви человѣческой.

Таково значеніе брака и семьи общечеловѣческое. Оно еще болѣе возвышается въ ученіи Церкви.

II, 16. Благодать Божія, благословляющая преемственность поколѣній во временномъ существованіи рода человѣческаго, и святое соединеніе мужа и жены для образованія семьи, есть даръ таинственный, налагающій на пріемлющихъ его высокую обязанность взаимной любви и духовную святость, чрезъ которую грѣшное и вещественное облекается въ праведность и чистоту.

За предѣлами тѣснаго круга семейнаго человѣку представляется широкій кругъ единоплеменный — народъ, состоящій изъ множества семей. Въ составѣ народа задачи и обязанности человѣка иныя, болѣе сложныя.

VI.

НАРОДНОСТЬ.

Народная личность.—Народность въ искусствѣ и наукѣ.—Общество и государство.—Два основныя общественныя силы.—Народы завоевательные и народы земледѣльческіе.

I, 38. Каждый народъ представляетъ такое же живое лицо, какъ и каждый человѣкъ, и внутренняя его жизнь есть ничто иное, какъ развитіе какого нибудь нравственнаго или умственнаго начала, осуществляемаго обществомъ, такого начала, которое опредѣляетъ судьбу государствъ, возвышая и укрѣпляя ихъ присущею въ немъ истиною, или убивая присущею въ немъ ложью.

Начало это является намъ въ вѣрѣ народной.

III, 131. Мѣра просвѣщенія, характеръ просвѣщенія и источники его опредѣляются вѣрою, характеромъ и источникомъ вѣры.

Народный характеръ отражается въ искусствѣ и наукѣ.

I, 74. До сихъ поръ, сколько ни было въ мірѣ замѣчательныхъ художественныхъ явленій, всѣ они носили явный отпечатокъ тѣхъ народовъ, въ которыхъ возникли; всѣ они были полны тою жизнью, которая дала имъ начало и содержаніе. Египетъ и Индія, Эллада и Римъ, Італія, Испанія и Гелландія, каждая изъ нихъ дали образовательнымъ искусствамъ свой особый характеръ. Памятникъ въ глазахъ историка - критика возстановляетъ исторію (разумѣется умственную, а не фактическую) исчезнуваемаго народа также ясно, какъ и письменное свидѣтельство.

II, 75. Не изъ ума одного возникаетъ искусство. Оно не есть произведеніе одинокой личности и ея эгоистической разсудочности. Въ немъ сосредоточивается и выражается полнота человѣческой жизни съ ея просвѣщеніемъ, волею и вѣрованіемъ. Художникъ не творитъ собственно своею силою: духовная сила народа творитъ въ художникѣ. Поэтому очевидно, что всякое искусство должно быть и не можетъ не быть народнымъ. Оно есть цвѣтъ духа живаго, восходящаго до сознанія, или образъ самосознающейсѣ жизни.

Тоже и съ наукою.

I, 77. Достиженіе истины сопряжено съ безконечными ошибками и заблужденіями, и цѣльна была бы надежда народа, который бы обѣщаль себѣ науку совершенно свободную отъ односторонности и отъ всякаго самообольщенія.

Народъ-общество создаетъ государство.

Дѣятельность человѣка личная, общественная и государственная существенно различны между собою.

I, 746. Между первою и послѣднею, т. е. между частною и государственною, лежала бы бездна, если бы эта бездна не была наполнена общественною дѣятельностію. Въ цѣломъ мірѣ сфера дѣятельности частной одинакова и одинаково безцвѣтна: для нея совершенно все равно, какое государство ее охраняетъ и обезпечиваетъ, только бы охраняло и обезпечивало. Не такова дѣятельность общественная. Выходя изъ жизни частной, она выражаетъ всѣ отгѣнки, всѣ особенности земли и народа и обуславливаетъ государство, дѣлая его такимъ, а не инымъ; она даетъ ему право, она налагаетъ на него обязанность быть самостоятельнымъ, выдѣлиться изъ другихъ государствъ. Съ ея уничтоженіемъ, еслибы такое уничтоженіе было возможно, государство теряетъ всю свою силу; оно падаетъ и не можетъ не падать, потому что не имѣетъ причины быть, потому что, какъ я сказалъ, собственно-личная дѣятельность всегда равнодушна къ охраняющему ее госу-

дарству, лишь бы охраняло ее. Она должна пасть по справедливости, потому что человекъ, лишенный одного изъ законныхъ своихъ наслѣдй (жизни общественной), будетъ естественно примыкать къ какому-нибудь другому государству, въ которомъ онъ свое наслѣдіе находитъ вполне: ибо, въ своей частной дѣятельности, человекъ есть лицо только опекаемое или оберегаемое; въ жизни же общественной—онъ зиждитель, и въ извѣстной мѣрѣ дѣятель и творецъ историческихъ судебъ. Свято и высоко значеніе дѣятельности государственной. Государство, высшее выраженіе живаго народнаго творчества, охраняетъ его отъ всякаго внѣшняго насилія, отъ всякаго внутренняго временнаго потрясенія, могущаго нарушить его законный и правильный ходъ. Безъ него область дѣятельности общественной была бы невозможна; ибо она была бы беззащитною передъ напоромъ другихъ народовъ, вооруженныхъ государственными силами, и невозможною внутри самой себя, потому что, по несовершенству человѣческому, она бы постоянно нарушалась всякими личными злыми страстями, требующими принудительной силы для своего укрощенія, между тѣмъ какъ сама область общественной дѣятельности, по своему коренному характеру, есть только область мысли, мира и добровольнаго согласія. И такъ, говорю я, свято и высоко призваніе государства, хранящаго жизнь общественную и обуславливающаго ее возможность. Какъ живой органической покровъ обхватываетъ оно ее, укрѣпляя и защищая отъ всякой внѣшней невзгоды, растетъ съ нею, видоизмѣняясь, расширяясь и прилаживаясь къ ея росту и къ ея внутреннимъ видоизмѣненіямъ. Чѣмъ болѣе въ немъ мудрости и знанія своихъ собственныхъ выгодъ и своего собственного значенія, съ тѣмъ болѣею чуткостью слышитъ оно, съ тѣмъ болѣею ясностью видитъ оно все разнообразіе жизни общественной, съ тѣмъ болѣею гибкостью прилаживается оно къ ея формамъ и къ ея историческому росту, обхватывая ее какъ бы живою бронею и постоянно укрѣпляясь ея живыми силами. Таково отношеніе государства къ жизни общественной, государства въ его нормальномъ и здоровомъ развитіи. Исторія учитъ насъ, что въ болѣзненныхъ явленіяхъ, предшествующихъ паденію народовъ, эта дѣятельность извращается и ищетъ какого-то развитія отдѣльнаго, враждебнаго народной жизни и, слѣдовательно, невозможнаго. Живой покровъ обращается въ какую-то сухую скорлупу, толстѣетъ и повидимому крѣпнеть отъ оскуднѣнія и засыханія внутренняго живаго ядра; но въ то же время онъ дѣйствительно засыхаетъ, дряхлѣетъ и, наконецъ, разсыпается при малѣйшемъ ударѣ. Это какой-то историческій свищъ, наполненный прахомъ сгнившаго народа.

Есть народная гордость, есть народное смиреніе.

I, 8. Смиреніе человѣка, также какъ и смиреніе народа, могутъ имѣть два значенія совершенно противоположныя. Человѣкъ или народъ сознаетъ святость и величіе закона нравственнаго или духовнаго, которому подчиняетъ онъ свое существованіе; но въ тоже время признаетъ, что этотъ законъ проявленъ имъ въ жизни недостаточно или дурно, что его личныя страсти и личныя слабости исказили прекрасное и святое дѣло. Такое смиреніе велико, такое признаніе возвышаетъ и укрѣпляетъ духъ, такое самоосужденіе внушаетъ невольное уваженіе другимъ людямъ и другимъ народамъ. Но не таково смиреніе человѣка или народа, который сознается не только въ собственномъ безсиліи, но въ безсиліи или неполнотѣ нравственнаго или духовнаго закона, лежавшаго въ основѣ его жизни. Это не смиреніе, а отреченіе. Человѣкъ разрываетъ всѣ связи съ своей прошедшей жизнью, онъ перестаетъ быть самымъ собою; а если онъ говоритъ отъ имени народа, то уже тѣмъ самымъ онъ отъ народа отрекается.

I, 127. Всякое общество находится въ постоянномъ движеніи; иногда это движеніе быстро и поражаетъ глаза даже не слишкомъ опытнаго наблюдателя, иногда крайне медленно и едва уловимо самымъ внимательнымъ наблюденіемъ. Полный застой невозможенъ, движеніе необходимо; но когда оно не есть успѣхъ, оно есть паденіе. Таковъ всеобщій законъ. Правильное и успѣшное движеніе разумнаго общества состоитъ изъ двухъ разнородныхъ, но стройныхъ и согласныхъ силъ. Одна изъ нихъ основная, коренная, принадлежащая всему составу, всей прошлой исторіи общества, есть сила жизни, самобытно развивающаяся изъ своихъ началъ, изъ своихъ органическихъ основъ; другая, разумная сила личностей, основанная на силѣ общественной, живая только ея жизнью, есть сила никогда ничего не созидаящая и не стремящаяся что нибудь созидать, но постоянно присущая труду общаго развитія, не позволяющая ему перейти въ слѣпоту мертвеннаго инстинкта или вдаваться къ безразсудную односторонность. Обѣ силы необходимы; но вторая, сознательная и разсудочная, должна быть связана живою и любящею вѣрою съ первою силою жизни и творчества. Если прервана связь вѣры и любви, наступаютъ раздоръ и борьба.

Рѣзко различаются народы завоевательные и земледѣльческіе.

III, 106. Народы завоевательные, по первоначальному своему характеру, сохраняютъ навсегда чувство гордости личной и презрѣніе не только ко всему побѣжденному, но и ко всему чуждому. Таковъ Монголецъ, таковъ былъ Кельтъ, таковъ Турокъ. Это чувство презрѣ-

нія къ чужому долго сохраняеть народность ихъ. Побѣдители, они угнетаютъ поработенныхъ и не смѣшиваются съ ними; побѣжденные, они упорно противятся вліянію побѣдителей и хранять въ душѣ инстинкты, зарожденныя въ нихъ вѣками старинной славы.

Народы земледѣльческіе ближе къ общечеловѣческимъ началамъ. На нихъ не дѣйствовало гордое волшебство побѣды; они не видали у ногъ своихъ поверженныхъ враговъ, обращенныхъ въ рабство закономъ меча, и не привыкли считать себя выше своихъ братьевъ, другихъ людей. Отъ этого они воспріимчивѣе ко всему чуждому. Имъ недоступно чувство аристократическаго презрѣнія къ другимъ племенамъ, но все человѣческое находитъ въ нихъ созвучіе и сочувствіе.

VII.

ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

Смысла народовъ въ исторіи.—Задачи исторической науки.—Общій характеръ народовъ древности.—Кушиты и Иранцы.

Возвышаясь надъ дѣленіемъ народнымъ и надъ болѣе широкимъ дѣленіемъ, племеннымъ, человѣкъ сознаеть себя членомъ великой семьи народовъ, иначе—человѣчества. Изучая его исторію, онъ видитъ, какъ постепенно, въ теченіе вѣковъ, на историческомъ поприщѣ одинъ народъ смѣнялся другимъ, и доходитъ до разумѣнія задачъ и призванія того народа, къ которому принадлежитъ самъ. Смысла народовъ въ исторіи міра открываетъ намъ смыслъ поступательной дѣятельности всего человѣчества. Но чтобы угадывать этотъ смыслъ, историкъ долженъ умѣть различать существенное отъ второстепеннаго.

IV, 660. И въ самомъ историческомъ мірѣ многія явленія (быть можетъ большая часть явленій) ничтожны, обречены забвенію и достойны его; но они выносятся изъ бездны прошедшаго, выдвигаются на поприще историческое, получаютъ смыслъ, значеніе и право на безсмертіе отъ тѣхъ центровъ живой мысли и слова, отъ тѣхъ двигателей просвѣщенія, съ которыми находятся въ случайномъ прикосновеніи. Только то имѣетъ право на память человѣческую, что оставило по себѣ слѣды, что подвинуло впередъ родъ человѣчскій по путямъ науки или преданія, что не только жило, но и живетъ и будетъ жить. Исторія Монголовъ погибла съ ними и отзывается только въ ея вліяніи на Россію, Персію или Индустанъ; но она входитъ въ исторію человѣчества только какъ рассказъ о бурѣ, разрушившей половину города, входитъ въ исторію города.

III, 29. Не дѣла лицъ, не судьбы народовъ, но общее дѣло, судьба, жизнь всего человѣчества, составляютъ истинный предметъ исторіи,

Говоря отвлеченно, мы скажемъ, что мы, мелкая частица рода человѣческаго, видимъ развитіе своей души, своей внутренней жизни во внѣшней жизни миллионовъ людей на всемъ пространствѣ земнаго шара. Тутъ уже имена дѣлаются случайностями, и только духовный смыслъ общихъ движеній и проявленій получаетъ истинную важность. Говоря практически, мы скажемъ, что въ исторіи мы ищемъ самаго начала человѣческаго рода, въ надеждѣ найти ясное слово объ его первоначальномъ братствѣ и общемъ источникѣ.

III, 531. Взглядъ на древнее разсѣяніе семей и древнее расселеніе человѣческаго рода, на стройное, многозначительное и духовно-живое строеніе первобытнаго языка, на безконечное пространство пустынь, пройденное первыми обитателями земли, на непредѣльность морей, переплутыхъ основателями первыхъ за-океаническихъ колоній, на тождество религій, обрядовъ и символовъ съ одного края земли до другого, представляетъ неоспоримое свидѣтельство о великомъ просвѣщеніи, всемірномъ общеніи и умственной дѣятельности временъ до-историческихъ, о позднѣйшемъ искаженіи всѣхъ духовныхъ началъ, объ одичаніи человѣчества и о печальномъ значеніи такъ-называемыхъ героическихъ вѣковъ, когда борьба незаконныхъ и буйныхъ силъ поглотила въ себѣ всѣ великія преданія древности, всю жизнь мысли, всѣ начала общенія и всю разумную дѣятельность народовъ. Зародышъ этого зла очевидно въ той странѣ, которой слава открываетъ рядъ историческихъ вѣковъ—въ странѣ Кушитовъ, ранѣе всѣхъ забывшихъ все чисто-человѣческое и замѣнившихъ это древнее начало началомъ новымъ, условно-логическимъ и вещественно-образованнымъ.

III, 69. Мы безпрестанно слышимъ: какъ могла младенчествующая механика поднять громады камней, предъ которыми усовершенствованная наука признаетъ свое безсиліе? Какъ могли слабыя суда древней торговли переплывать бурныя моря и покорять волны океана безъ компаса, безъ знанія географіи, почти безъ астрономіи? Какъ могло такое чудное развитіе философской мысли ознаменовать первые шаги человѣческаго ума? — Мы не должны и не можемъ измѣрять по себѣ вѣка глубокой древности. Семья человѣческая, развившаяся отдѣльно отъ всѣхъ другихъ, чуждая ихъ знаніямъ и страстямъ, ограничивала всю свою дѣятельность какою-нибудь одною цѣлію, опредѣленною характеромъ мѣстности, нуждою, первоначальною прихотью, вѣрованіемъ или внутреннимъ строемъ ума. Какъ ребенокъ поощренный неожиданною удачей случайнаго опыта, народъ стремился всѣми силами своего воображенія по начатому пути. Самолюбіе разгаралось отъ успѣха, и холодный разумъ наполнялся всѣмъ жаромъ, всею энергіею страсти. Тогда еще жили народы жизнью общео: не писанными

законами, не мертвымъ обычаемъ, не хитростью политическаго устройства связаны были между собою лица составлявшія общества, но единствомъ мысли, воли и быта. Словомъ, *семья человѣческая* было не слово, а дѣло. Кровное родство связывало людей, родство физіономіи, внутренней организаціи, жизни тѣлесной и духовной. Гдѣ же теперь можемъ мы найти мѣрило для могучихъ явленій этой эпохи? Мы должны понять, что теперь строить Левъ X или Людовикъ XIV, что теперь путешествуютъ Кукъ или Лаперузъ; а что тогда пирамида строилась во всемъ Египтомъ, путешествіе предпринималось всей Финикіей, задача философіи разрѣшалась во всемъ Индустаномъ (сѣвернымъ), задача правленія была помысломъ всего Китая. Каждый народъ имѣлъ свою исключительную страсть, и для достиженія своей цѣли (будь она физическая или умственная) народъ возставалъ какъ мужъ одинъ. Вся поэзія, весь разумъ, всѣ радости Кушита были въ томъ, что онъ землю разрѣзывалъ рѣками, выкапывалъ моря, поднималъ горы на воздухъ и покорялъ рѣзцу упрямую твердость порфировъ и базальтовъ. За то старый Вавилонъ, котораго стѣны были выше теперешнихъ башенъ, а башни остались сказочнымъ преданіемъ всего человѣчества, Вавилонъ помнилъ, что онъ построенъ Нимродомъ Кушитомъ. За то южный Индустанъ, страна, въ которой пещеры роскошнѣе самыхъ богатыхъ храмовъ и дворцовъ, и въ которой цѣлые города высѣчены въ камнѣ безумной фантазіей забытаго народа, южный Индустанъ напоминаетъ намъ въ имени Мизоръ градостроительнаго Мизра, брата Кушева. За то вездѣ, гдѣ храмъ или обелискъ, или пещера ужасаютъ васъ какимъ-то буйствомъ исполненныхъ размѣровъ, вы говорите: это слѣдъ Кушита, вдавившійся въ камень, это рука Кушита, разсѣкающая горы. Жизнь, счастье, любовь, все для Финикійца было въ борьбѣ съ волнами. Напрасно бы мы стали спрашивать, какой цѣли онъ ищетъ за моремъ, какихъ богатствъ ожидаетъ въ награду за труды, зачѣмъ онъ цѣлые четыре года своей жизни посвящаетъ на обходъ горящихъ береговъ Африки? Онъ переплываетъ моря, потому что онъ не можетъ жить не переплывши ихъ, и Эринъ населяется его колоніями, буря мыса Доброй Надежды падаетъ корабли его, а монеты Финикійскія зарываются въ глубину пустынь Американскихъ, чтобы изумить несмѣлое воображеніе людей XIX вѣка. Китай въ отношеніи науки государственной то же, что Финикія въ мореходствѣ и Египетъ въ зодчествѣ. Раскройте его лѣтопись, взгляните на духъ его древнихъ философовъ, на характеръ его литературы, и вы поймете тридцативѣковое существованіе имперіи. Нужна поэзія, чтобы узнать исторію; нужно чувство художественной, то-есть чисто-человѣческой истины, чтобы угадать могу-

щество односторонней энергіи, одушевлявшей миллионы людей. Одностихійность народовъ — вотъ разгадка древности и ея чудесь.

III, 527. Гораздо прежде народовъ Мидо-Бактрійскихъ вышли Кушиты на поприще исторіи. Ограничивъ просвѣщеніе свое знаніемъ видимаго и чувственнаго, поставивъ законъ необходимости и вещественнаго организма на мѣсто свободнаго духа, оторвавшись отъ великихъ преданій древности и утративъ чистоту слова вмѣстѣ со святостью мысли, они сосредоточили всѣ способности ума къ достиженію одной цѣли, къ созданію жизни удобной и привольной; условная жизнь создала условную форму общины, и возникли государства. Строго-логическое развитіе данныхъ, избранныхъ развратомъ произвола, дало твердость и внѣшнюю гармонію нововозникшимъ державамъ. Одностороннее направленіе просвѣщенія достигло развитія колоссальнаго въ художествахъ и въ стройномъ употребленіи совокупныхъ силъ человѣческихъ. Гордое сознаніе своего могущества и презрѣніе ко всѣмъ другимъ семьямъ, хранящимъ простой бытъ младенчествующихъ общинъ, подвинуло Кушитовъ на Иранъ. Созданный ими, возсталъ Вавилонъ на берегахъ Евфрата, и далѣе, все далѣе на Сѣверъ, подвигались ихъ торжествующія дружины, налагая тяжкія цѣпи на побѣжденныхъ, воздвигая неприступныя твердыни въ покоренныхъ земляхъ, созидаая великолѣпныя столицы въ дѣвственной красотѣ пустынь, сокрушая все силою своего вещественнаго знанія и условной совокупности, соблазняя всѣхъ искушеніемъ своей роскоши и вещественныхъ наслажденій. Все далѣе и далѣе подвигался потокъ, до Чернаго моря, до Кавказа и Каспія, до Бактріи и Гималаи. Но въ безсильномъ Иранѣ были духъ жизни и слово, хранящее наслѣдство мысли, и еще неискаженное преданіе, завѣщанное человѣку древними его родоначальниками. Угнетеніе вызвало борьбу. Борьба вызвала дремлющія силы. Могущество, основанное на началахъ условныхъ, но лишенное внутренняго плодотворнаго содержанія, пало передъ взрывомъ племенъ, сохранившихъ еще простоту безыскусственной жизни и чистоту неиспорченной вѣры. Духъ восторжествовалъ надъ веществомъ, и племя Иранское овладѣло миромъ. Прошли вѣка, и его власть не слабѣетъ, и въ его рукахъ судьба человѣчества. Потомки пожинаютъ плодъ заслугъ своихъ предковъ, заслугъ, выказанныхъ и засвидѣтельствованныхъ неизмѣнностью слова. Величіе Ирана не дѣло случая и условныхъ обстоятельствъ. Оно есть необходимое и прямое проявленіе духовныхъ силъ, жившихъ въ немъ искони, и награда за то, что изъ всѣхъ семей человѣческихъ онъ долѣе всѣхъ сохранялъ чувство человѣческаго достоинства и человѣческаго братства, чувство, къ несчастію, утраченное Иранцами въ упоеніи ихъ побѣдъ и вызванное снова, но уже не собственною силою ихъ разума.

Таково значеніе Ирана, и если которая нибудь изъ его семей, долѣе всѣхъ хранившая преданія семейнаго быта и потому самому позднѣе всѣхъ проявившаяся въ дѣятельности исторической, чище всѣхъ (кромѣ одной, замкнувшей себя въ касту) охранявшая наследство слова и тѣмъ самымъ свидѣтельствующая о сохраненіи духовнаго начала, если эта семья возстала внезапно въ изумительномъ величіи, сокрушая всѣ преграды, обнимая владѣніями своими неизмѣримыя пространства, возрастая со дня на день въ могущество и власти,— наука не должна признавать этого величія за несправедливую игру слѣпаго случая, не должна роптать на судьбу или завистливо клеветать на возвеличенную общину. Тайна ея торжествъ заключается въ ея словѣ. Сила ви́шняя есть плодъ силы внутренней, пространство владѣній и вещественное могущество суть проявленія могучаго мысленнаго начала, и въ многочисленности племени (математическомъ превосходствѣ надъ другими) живетъ свидѣтельство о духѣ братства, общенія и любви. Да не забудется это чисто-человѣческое значеніе, чтобы не упала великая семья! Да не утратятъ счастливые потомки вѣнца, заслуженнаго ихъ многострадавшими предками!

VIII.

Славянство.—Древнее разселеніе Славянъ.— Судьбы ихъ въ новое время.—Возрожденіе Славянства.

Колыбель Славянскаго племени—Бактрія *). Тамъ, въ началѣ историческихъ вѣковъ, является намъ Славянская семья народовъ.

Она составляла часть Ирана, семью Вановъ или Вендовъ, многочисленнѣйшую изъ всѣхъ его семей, менѣе всѣхъ искаженную военными столкновеніями съ завоевательными Хамидами и отъ этого болѣе всѣхъ сохранившую черты первоначальнаго быта. Прежде всѣхъ выслала она колоніи свои на Сѣверо-Западъ, сильнѣе всѣхъ дѣйствовала она на древнемъ Востокѣ; но въ политическихъ переворотахъ первобытнаго Ирана она еще не жила отдѣльною жизнію, а только какъ членъ великаго семейнаго союза.

Племена Сѣверно-Индійское и Славянское раздѣлились въ одномъ и томъ же возрастѣ, на одной и той же высотѣ общечеловѣческаго

*) Мы не проводимъ здѣсь подлинныхъ выписокъ въ подтвержденіе этого взгляда Хомякова какъ въ виду многочисленности отдѣльных замѣтокъ въ „Запискахъ о всемірной исторіи“, посвященныхъ его доказательству, такъ и вслѣдствіе сравнительной частности вопроса по отношенію нити изложенія.

корня. Это подтверждается близкимъ сходствомъ языковъ Санскритскаго и Славянскаго *).

Со своей первоначальной родины Славянское племя постепенно распространялось къ Западу.

III, 432. Славяне не переселялись: въ нихъ нѣтъ ни малѣйшаго слѣда склонности кочевой. Они расселялись по лицу земли, не отрываясь отъ своей первобытной родины. По привольямъ прирѣчнымъ, по богатымъ низовьямъ расселялись мирные землепашцы, подвигаясь все далѣе и далѣе на Западъ до береговъ Атлантики; но въ новыхъ жилищахъ, на просторѣ Европы, тогда еще безлюдной, ихъ не оставлялъ прежній духъ братства и человѣческаго общенія. Отъ Сыръ-Дарьи и Инда до Дуары и Гаронны непрерывная цѣпь мелкихъ, безыменныхъ общинъ или большихъ семейныхъ круговъ служила живымъ проводникомъ для движенія промышленнаго и торговаго, для силы мыслящей и просвѣщающей, быстро передавая изъ края въ край міра все измѣненія языка и понятій, старыхъ знаній и новыхъ заблужденій. По степямъ ходили веселые караваны, по рѣкамъ и морямъ летали смѣлые корабли, и въ одной, въ многочисленнѣйшей изъ отраслей Иранскихъ, продолжалась древняя жизнь молодого человѣчества, не смыкаясь въ мертвый эгоизмъ народовъ и государствъ, не волнуясь бурнымъ восторгомъ ненависти и войны, не унижая человѣка до раба, не искажая его до господина. Отъ этой прекрасной эпохи, скоро минувшей, но никогда не забытой и вѣроятно оставившей по себѣ мифическое преданіе о золотомъ вѣкѣ, сохранились намъ два несокрушимые колосса—мысль Индустанская и бытъ Славянскій: братья, которые обличаютъ братство свое полнымъ тождествомъ формъ словесныхъ и логически стройнымъ ихъ развитіемъ изъ общихъ корней.

Поселенія Славянъ отмѣчены однимъ общимъ характеромъ.

*) III, 34. Геній языковъ Славянскаго и Санскритскаго, *доминанты* въ звукахъ такъ ясно сходны между собою или, лучше сказать, такъ явно одни и тѣже, что братство ихъ такъ же мало подвержено сомнѣнію, какъ братство Эллискаго и Римскаго языковъ. Ихъ можно скорѣе назвать нарѣчіями, чѣмъ языками. Для разрѣшенія этого вопроса пословица: *людская молва, морская волна*, болѣе значить, чѣмъ десятки томовъ для человѣка, которому не чужды звуки Старо-Индійскихъ языковъ. Волнообразный ходъ, метафизическій звукъ, преобладающее *а*, все въ нихъ общее; для Русскаго Санскритскія слова *звучатъ* знакомо, и онъ удивляется не тому, что такъ много встрѣчается словъ понятныхъ, но тому, что такъ много словъ ему неизвѣстныхъ въ языкъ, столь родномъ по характеру. *Мысль, умъ, знаніе, видѣніе, азъ, семь*, все слова коренныя, все звуки, въ которые облечлось внутреннее сознаніе человѣка, одинаковы въ Санскритѣ и Славянскомъ.

Хомяковъ составилъ и напечаталъ цѣлый сравнительный словарь Русскихъ словъ съ Санскритскими.

III, 53. Гдѣ Венды (люди водные), тутъ корабли, тутъ дерзость мореходца, тутъ предприимчивая торговля, тутъ морской разбой, тутъ суда не каботажныя, не береговыя, а крутобокія, гордо высящіяся надъ водою, удивляющія Римлянъ, готовыя на борьбу съ океаномъ. И это не разсѣянныя племена, безъ связи и сношеній между собою, а цѣпь неразрывная, обхватывающая половину Европы.

III, 508. Таковы были искони Славяне, древніе просвѣтителі Европы, долгіе страдалцы чужеплеменнаго своеволія, Брахманы Запада, но Брахманы не мудрствовавшіе, а бытовые, не сплотившіеся нигдѣ въ жреческую касту, не образовавшіе нигдѣ сильнаго государства, но хранившіе въ формѣ мелкихъ общинъ или большихъ семей преданія и обычаи человѣческіе, принесенные ими изъ своей Иранской колыбели. Осужденные на тысячелѣтнія страданія, вознагражденные позднимъ величіемъ, они могли бы роптать на свою трагическую судьбу, если бы на нихъ не лежала вина челоѣкообразной вѣры и искаженія высокой духовности Иранской, исчезнувшей передъ сказочными вымыслами и житейскимъ направленіемъ Славянскаго ума *).

*) Знаменательны имена, присвоенныя отъ начала Славянскому племени.

III, 496. Въ наше время, когда люди сохраняютъ имена, данныя ихъ безответному дѣтству и народы носятъ безсмысленныя прозвища, переданныя отъ поколѣнія къ поколѣнію, не смотря на совершенное измѣненіе жизни и языка, собственное имя вообще уже ничего не значитъ. Не такъ было въ глубокой древности, точно также какъ и въ народахъ, живущихъ до сихъ поръ въ безыскусственной дикости. Тамъ прозвище и имя дѣйствительно опредѣляютъ характеръ лицъ и опредѣляли характеръ народа. Челоѣкъ, избирающій свое имя, соглашается его съ тѣмъ качествомъ, которымъ онъ отличается; а по естественному самолюбію, ему кажется, что то качество, которымъ онъ отличается, есть лучшее и высшее изъ качествъ челоѣческихъ. Онъ или дѣйствительно обладаетъ имъ, или имѣетъ притязаніе на него; но во всякомъ случаѣ въ его имени найдется его идеалъ челоѣческаго совершенства.

III, 497. Вѣроятнѣйшая этимологія слова *Вендъ* или *Вудинъ* есть *вода* (иначе *вуда* или *венда*). Разсматривая Славянъ, какъ великую отрасль единобожниковъ и духопоклонниковъ Иранцевъ, мы легко можемъ уже понять, что вода и огонь были собственно приняты первыми просвѣщенными предками Иранскаго племени за великіе символы великаго духа, и что при раздѣленіи семей особенное направленіе мысли избрало у западно - Иранцевъ *огонь*, а у Славянъ *воду* за преимущественное изображеніе божества. Наконецъ, съ паденіемъ религіозныхъ понятій и съ огрубѣніемъ челоѣчества, символъ мало по-малу заступилъ мѣсто творческаго духа, и племя приняло имя отъ обоготворенной стихіи.

Еще замѣчательнѣе другое прозвище племени—*Славяне*.

III, 498. Глаголь *смытъ*, существительное *слово*, вотъ корни названія *Словѣнинъ*. Мы уже сказали, что въ старину всякій народъ заключалъ въ свое имя свой идеалъ челоѣческаго совершенства. Восточно-Иранское племя раздѣлилось на двѣ отрасли: одно, по имени Божественнаго духа, радующагося бытію (*бгъ* и *рама*), приняло прозвище *Брахманъ* (по искаженію *Браманъ*), т. е. людей духовныхъ; другое отъ вышшаго изображенія понятія, отъ единственнаго орудія общительности, *слова*, приняло прозвище людей говорящихъ, то есть мирныхъ, общительныхъ, выражающихъ смышленнымъ сло-

Славянское племя всегда и вездѣ было вѣрно своимъ кореннымъ началамъ. Въ пору несравненно болѣе позднюю, одинъ Славянскій народъ отклонился отъ нихъ.

I, 486. Воинственная семья Ляховъ, болѣе другихъ принявшая въ себя примѣсь иноземныхъ стихій (Кельтовъ и Сарматовъ) и вмѣстѣ съ ними характеръ аристократическихъ дружинъ, подпала вполнѣ влиянію Римскаго духовенства и слѣдовательно Западнаго міра, отъ котораго она получила свое одностороннее направленіе. Не поневолѣ, не вслѣдствіе насилія, согласилась Польша примкнуть къ Германіи, унизиться до состоянія вассала и сдѣлаться орудіемъ Римскаго и Германскаго властолюбія, но по внутреннему сочувствію высшаго сословія, еще долго стыдившагося Славянскаго имени и гордившагося названіемъ завоевателей-Сарматовъ. Католицизмъ, чуждый остальнымъ Славянскимъ семьямъ, нашелъ въ Польшѣ или, лучше сказать, въ ея правительственныхъ дружинахъ, ревностныхъ и въ тоже время обманутыхъ поборниковъ. За всѣмъ тѣмъ это ложное и не-Славянское направленіе Польши зависѣло не столько отъ кореннаго племени Ляховъ, сколько отъ иноземныхъ стихій, овладѣвшихъ имъ. Оно рѣшило историческую судьбу Польши, но само должно исчезнуть въ ней по мѣрѣ усиленія истинно-народнаго и чисто-Славянскаго характера.

III, 97. Славяне, коренные старожилы всей Европы, градостроители и землепашцы, вытѣснены были или поработаны Кельтами и Германцами-завоевателями.

Вся западная половина Европы была потеряна для Славянства. Въ однихъ мѣстностяхъ Славяне, подъ напоромъ иноплемennыхъ стихій, утратили свой языкъ, въ другихъ сохранились на степени племени подвластнаго или угнетеннаго. И вотъ, въ недавнее время, началось возрожденіе Славянства.

Починъ ему положила наука, археологія.

I, 512. Она явилась силою живою и плодотворною, пробудила много сердечныхъ сочувствій, которыя до тѣхъ поръ не были признаны и глохли въ мертвомъ забвеніи; возобновила много источниковъ, занесенныхъ и засыпанныхъ чужеземными наносами. Чехъ и Словакъ, Хорватъ и Сербъ почувствовали себя родными братьями-Славянами; съ радостнымъ удивленіемъ видѣли они, что чѣмъ далѣе углублялись въ древность, тѣмъ болѣе сближались они другъ съ другомъ и въ характеръ памят-

вомъ невещественное сокровище мысли. Оно назвало свои правительственныя или судебныя собранія *Виче* (отъ чего Польское *вицинія*) или *Ричъ* (отъ чего Римское республика), оно назвало себя широкимъ *Словянскимъ*. Такова основа его исторіи, таковъ духъ въ немъ тайно живущій, такова разгадка его братства съ Индустаномъ и неприкосновенности его словеснаго достоинства.

никовъ, и въ языкѣ, и въ обычаяхъ. Какая-то память общей жизни укрѣпляла и оживляла многострадавшія поколѣнія; какая-то теплота общаго гнѣзда согрѣвала сердца, охладѣвшія въ разъединенномъ бытѣ. Шире и благороднѣе стали помыслы, тверже воля, утѣшительнѣе будущность. Важнѣе же всего та истина, добытая изъ археологическихъ изслѣдованій, истина, еще не всеми сознанная и даже многими оспариваемая съ ожесточеннымъ упорствомъ, что вѣра Православная была первою воспитательницею молодыхъ племенъ Славянскихъ, и что отступничество отъ нея нанесло первый и самый жестокий ударъ ихъ народной самобытности. Полное и живое сознаніе этой истины будетъ великимъ шагомъ впередъ. Оно не минуетъ. Богатые плоды уже добыты наукою для современныхъ Славянъ, но впереди можно смѣло ожидать жатвы еще богатѣйшей.

I, 488. Долго страдавшій, но окончательно спасенный въ роковой борьбѣ, болѣе или менѣе во всѣхъ своихъ общинахъ искаженный чуждою примѣсью, но нигдѣ не заклеименный наслѣдственною печатью преступленія и несправедливаго стяжанія, Славянскій міръ хранить для человѣчества, если не зародышъ, то возможность обновленія.

IX.

РОССІЯ.

Значеніе Россіи для Славянства.—Коренныя особенности Русскаго народа.—Его отношеніе къ Христіанству.—Участіе Церкви въ созданіи Русскаго государства.—Значеніе Москвы.—Дружина.—Боярство.—Сословность.—Начало общинное и начало личное.—Народная исключительность.—Сторонники новизны.—Петръ Великій.—Формализмъ въ Русской жизни.—Отчужденіе Русскаго образованнаго общества отъ Русской старины и Русской народности.

Одинъ изъ Славянскихъ народовъ сложился въ великое государственное цѣлое. Въ немъ, хотя еще и далеко отъ полнаго осуществленія, но уже отчасти осуществляются задатки и чаянія всего Славянскаго племени. Поэтому Русское дѣло—Славянское дѣло; ростъ Россіи—ростъ Славянства; побѣда Россіи—побѣда Славянской идеи въ мірѣ. Исконныя стихіи Славянства, присущія Русскому народу: чистота семейнаго начала, крѣпость общинной связи, простота земледѣльческаго быта, древность градостроительства, предпримчивость торговли, все эти признаки, вездѣ сопутствующіе Славянскому племени, ясно различаются при самомъ началѣ Русской исторіи. Но всего ярче выступаетъ одна ея особенность.

I, 231. Другія земли новѣйшей Европы въ своей цѣлости созданы вещественною силою завоеванія и завоевательныхъ пле-

мень, принявшихъ въ послѣдствіи христіанскую вѣру. Наша старая Русь создана самимъ Христіанствомъ. Таково сознаніе св. Нестора; таково сознаніе св. Иларіона, пророчески провидѣвшаго призваніе Русской земли; таково же сознаніе и перваго изъ извѣстныхъ намъ поклонниковъ нашихъ въ Іерусалимѣ, гдѣ, передъ гробомъ Спасителя, онъ соединяетъ въ одну молитву всю святую Русь и всѣхъ ея князей. Всѣ прочія связи, рыхлыя и некрѣпкія сами по себѣ, получали крѣпость и освященіе отъ одной этой неразрушимой связи. Но, опредѣливъ значеніе христіанской вѣры въ ея дѣйствіи на Русскую землю, еще надобно ясно понять отношеніе Русскаго народа къ вѣрѣ христіанской. Какое-то глубокое отвращеніе отъ древняго своего язычества замѣтно въ народахъ Славянскихъ, кромѣ Поморія, гдѣ вражда народная произвела вражду противъ Христіанства. Казалось, что не проповѣдь истины искала Славянь, а Славяне искали проповѣди истины. Такое движеніе умовъ замѣтно по рассказамъ лѣтописцевъ не въ одной Русской землѣ, а въ Моравіи и Чехіи, въ Болгаріи и Козаріи (которой населеніе было по большей части Славянское), и въ Польшѣ. Но самое это движеніе, указывая на скрытый анализъ прежнихъ, отвергаемыхъ вѣрованій, принадлежало, по вѣроятности, сравнительно-образованнѣйшей части народа, оставляя бѣольшую часть его въ тупомъ равнодушіи, смѣшанномъ съ безсмысленнымъ суевѣріемъ, остаткомъ переродившагося или умершаго вѣрованія. Таковъ отчасти былъ ходъ умовъ въ мірѣ Эллино-Римскомъ, особенно на Западѣ, въ которомъ сѣла долѣе чуждались Христіанства, чѣмъ города (отъ того и слово *pagani*—селяне); таковъ, вѣроятно, былъ ходъ ума и въ другихъ странахъ при паденіи древнихъ религій передъ требованіемъ разума. Разумно вступали Ольга, Владимиръ, дружина и старцы градскіе въ нѣдра Православія. Съ дѣтскимъ спокойствіемъ слѣдовала за ними бѣольшая часть земской общины, управляемая болѣе довѣріемъ къ людямъ, чѣмъ вѣрою въ высокое и созннное начало христіанской истины. Быть можетъ, мѣстами являлось нѣкоторое принужденіе, противное Христіанству (какъ видно изъ словъ св. Иларіона и Новгородской поговорки: «Путята крестиль огнемъ, а Добрыня мечемъ»); но, безъ сомнѣнія, вообще введеніе Православія не сопровождалось жестокостію, какъ во многихъ Германскихъ областяхъ. За всѣмъ тѣмъ безпристрастная критика должна признать, что земля Русская въ болѣе-шей части своего населенія приняла болѣе обрядъ церковный, чѣмъ духовную вѣру и разумное исповѣданіе Церкви. Этому находимъ мы ясныя доказательства въ памятникахъ нашей духовной словесности и законодательства, въ жалобахъ на языческіе обряды, какъ напр. на поклоненіе роду и рожаницѣ, на отсутствіе брака во многихъ обла-

стяхъ (въ которыхъ сельскіе жители замѣняли прогулкою около куста церковное благословеніе, считая его нужнымъ только для бояръ и князей) и на развратъ нравовъ, оставшійся, какъ наслѣдство языческаго міра (такъ напримѣръ, обычный развратъ, о которомъ свидѣтельствуется уже преподобный Несторъ, сохранялся въ землѣ Вятичей и Радимичей неизмѣннымъ до нашего времени и прекращенъ весьма недавно мудрою мѣрою правительства). Эти жалобы имѣютъ особый характеръ. Это не жалобы на порокъ личный, на буйство страсти, на неисполненіе закона, котораго святость человѣкъ признаётъ, но строгости котораго онъ покоряться не хочетъ: нѣтъ, это жалобы на отсутствіе закона, на тупое невѣжество, на совершенное неразуміе коренныхъ основъ Христіанства, и многія изъ нихъ принадлежатъ эпохѣ весьма поздней. Къ равнодушному и холодному вступленію въ церковное общество должно прибавить недостатокъ въ проповѣдникахъ Слова Божія въ первое время, а въ послѣдствіи недостатокъ въ письменныхъ его памятникахъ, которыхъ неисправность и часто грубыя ошибки свидѣлствуютъ о непониманіи и о весьма слабомъ желаніи ихъ понимать. Наконецъ, страшные погромы Татаръ, уничтоживъ множество книгъ и раскидавъ народъ, имѣли послѣдствіемъ явное увеличеніе дикости и невѣжества.

I, 233. Недостатокъ христіанскаго просвѣщенія, скрывавшійся за христіанскимъ обрядомъ, выступилъ наружу при первыхъ попыткахъ книжнаго исправленія уже при Максимѣ Грекѣ (хотя онъ страдалъ по другимъ причинамъ) и впослѣдствіи произвелъ тѣ старообрядческіе расколы, которыхъ появленіе принадлежитъ XVII-му вѣку, а корень таится въ глубочайшей древности и въ особенностяхъ распространенія Христіанства въ Россіи. Однимъ изъ яснѣйшихъ доказательствъ такого мнѣнія можно почитать и то обстоятельство, что въ Россіи самыя явные и сильныя остатки язычества и его повѣрій совпадаютъ съ тѣми мѣстностями, въ которыхъ сильнѣе распространено старообрядство, и что эти мѣстности удалены отъ древнихъ и живыхъ средоточій, въ которыхъ первоначально проповѣдывалось Слово Божіе просвѣтителями Русской земли.

I, 763. Первый расколъ былъ расколъ обрядовой. Отъ чего возникъ онъ и въ чемъ состоялъ? Церковный обрядъ утверждается и опредѣляется іерархіею, но не безъ содѣйствія всей Церкви, не безъ сочувствія и требованія отъ мірянъ: обрядъ есть въ тоже время обычай. Когда въ Россіи іерархія въ XVII столѣтіи замѣтила порчу обряда и приступила къ его исправленію, она, съ одной стороны, нѣсколько забыла про эти права свободы мірянъ, а съ другой забыла, что сама она участвовала въ порчѣ, терпѣла ее, поощряла и благо-

словляла. Она безспорно была права въ своихъ намѣреніяхъ, но не права въ пути, который избрала. Въ дѣло исправленія обычая она вступила не убѣжденіемъ, медленно создающимъ новый лучший обычай, а властью всегда враждебной обычаю и всегда оскорбительной для умственной свободы. Часть Русскаго народа стала за старый обрядъ, за старый обычай и какъ будто за дѣйствительное право. Такъ созданъ первый, обрядовой расколъ. Но, отправляясь, можетъ быть, отъ идеи свободы, и въ тоже время заключаясь въ обрядъ, онъ обратился въ обрядовое рабство. На этомъ духъ Русскаго человѣка остановиться не могъ. Наступило время полнѣйшаго отчужденія, какъ будто вторая эпоха раскола; но это еще ошибка: кажущееся отрицаніе остается въ полномъ рабствѣ обряда у безпоповщины. Черезъ нѣсколько времени, можетъ быть, вслѣдствіе толчка случайнаго, онъ возсталъ противъ этого рабства и, какъ всякой бунтъ, разрушая цѣни односторонности его сковавшія, онъ впалъ въ другую односторонность, въ другую крайность: въ полное отрицаніе обрядства. Это расколъ Духоборческой или Молоканской. Грустно всякое разъединеніе, всякое заблужденіе. Но въпервыхъ, быть можетъ, эти печальныя явленія всегда сопровождаютъ всякое развитіе сознанія; во вторыхъ, нельзя не замѣтить, что Молоканская ересь какъ будто бы подготавливаетъ сознательный возвратъ раскола къ Православію. Таково по крайней мѣрѣ указаніе, которое мы находимъ въ прекрасной пѣснѣ о бракѣ, нѣкогда признаваемомъ за грѣхъ у безпоповщины и вновь признаваемомъ за союзъ святой въ духовномъ смыслѣ у нѣкоторыхъ Молоканъ (хотя извѣстно, что онъ другими вовсе отвергается). Но, какъ уже сказано, путь пройденный расколомъ, какъ онъ ни великъ, далеко не охватываетъ области Русскаго духа въ его стремленіи къ Божественной истинѣ. Православный также горячо любитъ обряды, какъ самый страстный старообрядецъ, но эта любовь свѣтла и свободна. Православный также стремится къ созерцанію духовному, какъ Молоканъ, но онъ не отрицаетъ обряда, и ему не нужно его отрицать, потому что онъ никогда не былъ его рабомъ. Сквозь прозрачный покровъ обряда, видимо соединяющаго всѣхъ, онъ слышитъ, онъ чувствуетъ его духовный смыслъ, только облеченный, такъ сказать, во всецерковный образъ. Намъ нечего стыдиться нашего раскола. Отъ дикой энергіи морельщика до поэтическаго стремленія къ созерцанію Божественной правды у Молокана, онъ всетаки достоинъ великаго народа и могъ бы внушить почтеніе иноземцу; но, какъ я уже сказалъ, онъ далеко не обнимаетъ всего богатства Русской мысли. Того, что заключается въ кроткомъ и величавомъ спокойствіи православнаго духа, того, можетъ быть, не угадалъ бы и наблюдатель далеко не поверхностный; но энергія, которая скры-

вается въ этомъ покоѣ, высказалась въ старообрядцѣ - морельщикѣ, а глубина угадывается, хотя не измѣряется, поэзією духоборства.

I, 253. Большая часть сельскихъ общинъ приняла вѣру Христову съ тихимъ и немудрствующимъ, но за то нѣсколько равнодушнымъ довѣріемъ къ своимъ центральнымъ представителямъ, городovýmъ старцамъ и боярамъ, слѣдуя и въ этомъ общему правилу: «что городъ положить, на томъ и пригороды стануть». Обращеніе было болѣе обрядовое, чѣмъ разумное; но духъ Христіанства проникъ сельскій міръ, сосудъ готовый къ его принятію, и развилъ въ высокой и до тѣхъ поръ невиданной степени общежительное начало и добродѣтели, сопровождающія его.

I, 220. Не - многотребовательно просвѣтительное начало одно-стороннее и раздвоенное въ самомъ себѣ: оно развивается легко даже и при сильныхъ преполахъ, и тѣмъ легче, чѣмъ опредѣленіе его односторонность. Преобладающая сторона его увлекаетъ своею логикою всѣ силы душевныя человѣка или общества въ извѣстное направленіе до тѣхъ поръ, пока оно само не дойдетъ до крайняго своего предѣла, при которомъ обличаются его неполнота и неразуміе: тогда наступаетъ минута паденія, всегда быстро слѣдующая за минутою полнаго, повидимому, торжества. Не таковы свойства начала цѣльнаго и всесторонняго: самая его полнота и стройность требуютъ отъ общества или человѣка соответствующей стройности и полноты. Условное свободіе развивается въ исторіи, чѣмъ живое и органическое; разсудокъ въ человѣкѣ зрѣетъ гораздо легче, чѣмъ разумъ. Просвѣтительное начало, сохраненное для насъ Византійскими мыслителями, требовало для быстрого и полнаго своего развитія такихъ условий цѣльности и стройности въ жизни общественной, которыхъ еще нигдѣ не встрѣчалось; достигнуть же ихъ можно бы было только при такой независимости отъ вліяній вишнихъ, которыя невозможны на землѣ ни одному народу, всегда стѣсняемому и совращаемому съ пути силою и напоромъ другихъ народовъ. Россія не имѣла этой цѣльности съ самого начала, а къ достиженію ея встрѣтила и должна была встрѣтить препятствія неодолимые. Она — не островъ среди хранительной защиты моря, но была земля, со всѣхъ сторонъ открытая и беззащитная по слабости своихъ естественныхъ границъ и со всѣхъ сторонъ искони окруженная народами, не знающими мира въ себѣ и потому всегда готовыми посягнуть на миръ другихъ.

Силы Русскихъ людей должны были прежде всего направиться на созданіе крѣпкаго государства, которое могло бы защищать Русскіе предѣлы отъ вещественныхъ захватовъ сосѣдей.

И въ этомъ дѣлѣ начинъ положенъ былъ Церковью.

I, 236. Церковь создала единство Русской земли или дала прочность случайности Олегова дѣла. Церковь возстановила это единство, нарушенное междоусобіями. Она дала перевѣсъ Руси Московской надъ Литвою, въ которой язычество нѣсколько времени боролось съ Христіанствомъ, и Латинство, наконецъ, взяло верхъ надъ древнею народною вѣрою. Но и въ Великой Руси дѣйствіе просвѣтительнаго начала церковнаго было обусловлено и во многомъ измѣнено отзывами эпохи прошедшей и обстоятельствами эпохи современной. Съ тѣхъ поръ какъ св. митрополитъ Петръ изрекъ пророческое благословеніе надъ Москвою, она стала видимо стремиться къ совокупленію всей Руси подъ державное единство князей своихъ. Опытъ прошлаго времени доказалъ, что духовное начало еще не настолько развито было въ народѣ, чтобы прочное единство и внутренній миръ могли уцѣлѣть при независимости областей. Удѣлы должны были пасть. Какія бы ни были средства, употребленныя потомками Данила, какая бы ни была ихъ нравственность въ жизни частной или дѣйствіяхъ общественныхъ — цѣль, къ которой стремились они сами и ихъ молодая область, была законна; ибо съ ней была связана возможность спасенія Русской земли отъ унижительной и бѣдственной подчиненности Татарамъ и отъ напора Литвы.

I, 744. Выступила на историческое поприще Москва. Подъ свой стяг стянула она мало-по-малу всю Великую Русь; въ ней узнали свою силу наши предки, Русскіе прежнихъ вѣковъ. До Москвы Русь могла быть поработчена, Русскій народъ могъ быть потоптанъ иноземцемъ; въ Москвѣ узнали мы волю Божию, что этой Русской земли никому не сокрушить, этого Русскаго народа никому не сломать. Слово Московское сдѣлалось общимъ Русскимъ словомъ. Такое единство не было случайностью, не было чѣмъ-то наложеннымъ извнѣ. Не даромъ рядъ земскихъ соборовъ обозначилъ эпоху Московскаго единодержавія. Какая бы ни была форма и какъ ни было часто или рѣдко повтореніе соборовъ, Москва была признана, въ широкомъ смыслѣ слова, городомъ земскаго собора, то-есть городомъ земскаго сосредоточенія. Таково свидѣтельство Исторіи. Когда пресѣлся родъ Грознаго какъ бы въ наказаніе за его кровавыя казни, когда Промыслъ позволилъ Россіи впасть въ бездну почти безпримѣрныхъ бѣдствій какъ бы за то, что она могла произвести такого владыку: первымъ сознаніемъ Россіи было, что ей нуженъ царь... Но Москва взята... Зачѣмъ измѣняется временно сознаніе народное? Зачѣмъ земля, которая такъ глубоко чувствовала потребность въ единомъ царѣ, не приступаетъ къ выбору? Зачѣмъ ополченія городовъ низовыхъ и всѣхъ другихъ, поднявшихся за свободу великой родины, зачѣмъ забываютъ они свою

задачу? Зачѣмъ не созываются земцы въ какую-нибудь свободную еще область? Отвѣтъ простой—Москва въ рукахъ врага: нѣтъ города для великаго собора, и выборъ царя еще невозможенъ. Къ Москвѣ, къ ея освобожденію, какъ къ необходимому условію будущаго единства, обращаются всѣ силы Русской земли, и только на ея освобожденномъ пепелищѣ выбираютъ царя, для котораго уже приготовленъ городъ собора, городъ мысленнаго сосредоточенія земли. Вотъ почему Московское слово стало обще-Русскимъ словомъ и почему Москва сдѣлалась его, всѣми признаннымъ, центромъ. Такъ въ теченіе XVII-го вѣка царили цари и державствовала Москва, одинаково избранные и признанные волею всей земли Русской.

I, 237. Стягъ Московскій долженъ былъ стянуть всю Русь около себя, чтобы побѣда могла вѣнчать кровавую борьбу на Куликовомъ полѣ и чтобы плоды побѣды не могли быть снова утрачены. Духовенство, обращаясь къ христіанскому чувству народнаго единства, постоянно стремилось къ единенію подъ державною рукою Москвы. Епископы, иноки, пустынники обращали все свое вліяніе и всю силу своихъ убѣжденій къ этой цѣли, и какъ ни темно было понятіе значительной части народа о вѣрѣ, въ немъ было то христіанское смиреніе, которое любило голосъ своихъ пастырей и охотно слѣдовало ихъ призыву. Московскіе святители трудились не даромъ. Св. Митрополитъ Алексій и основатель Троицкой Лавры Св. Сергій, великіе подвижники міра духовнаго, болѣе содѣйствовали единенію Русской земли, чѣмъ вся хитрая политика Симеоновъ, Дмитріевъ и Іоанновъ. Слово церковнаго увѣщанія умирало страсти, которыя возстали бы противъ насилія; оно умирало страсти, которыя были часто раздражаемы неправдою и коварствомъ.

Такимъ образомъ Церковь и народъ создали царскую власть.

I, 99. Въ исторіи нашей Руси идея единства общиннаго лежала всегда, какъ основной камень всѣхъ общественныхъ понятій; но долго происходила борьба мелкихъ общинъ съ идеею великой общины. Наконецъ, идея единства великой общины восторжествовала послѣ кровавыхъ смутъ ополченіемъ всей Руси за Москву и избраніемъ царя, молодого Михаила. Тогда обнаружилось, что единство, казавшееся слѣдствіемъ исторической случайности при царяхъ Рюриковичахъ, было дѣйствительно дѣломъ Русской земли.

II, 36. И вотъ, когда послѣ многихъ крушеній и бѣдствій Русскій народъ общимъ совѣтомъ избралъ Михаила Романова своимъ наслѣдственнымъ государемъ, народъ вручилъ своему избраннику всю власть, какою облеченъ былъ самъ, во всѣхъ ея видахъ.

Вокругъ князей, олицетворявшихъ собою единство всей Русской земли, стояла дружина. Первоначально она представляла собою лишь случайный наборъ отдѣльныхъ лицъ, служившихъ отдѣльному князю. Однако и этотъ, повидимому, зыбкій и подвижной элементъ послужилъ къ установленію государственнаго единства.

I, 222. Эта кочевая обще-Русская дружина много содѣйствовала скрѣпленію всей Руси въ одно могучее цѣлое, потому что была вообще чужда областному эгоизму, много билась и страдала за землю Русскую, много помогла спасительному возвышенію князей Московскихъ (хотя впоследствии и подверглась страшнымъ гоненіямъ ихъ грознаго потомка Іоанна); но едва ли при ней была возможность той стройности и цѣльности, которой требовало для своего развитія начало разумнаго и цѣльнаго просвѣщенія; ибо въ ней были уже допущены раздвоеніе и внутренній разладъ общественной жизни, и вредныя ихъ вліянія были только сдержаны крѣпостью еще свѣжей земской жизни и кроткою силою общаго христіанскаго чувства. Но зло не могло оставаться безъ послѣдствій. Дружина не принадлежала области и вольно служила князю. Такимъ образомъ въ ней существовала съ самаго начала крайность личной отдѣленности, которая должна была воздѣйствовать на весь ходъ общественнаго развитія. Чуждая мѣстной общинѣ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ болѣе независимая отъ нея, чѣмъ самъ князь, она не имѣла нигдѣ корня и по необходимости стремилась сомкнуться въ самой себѣ, въ порядокъ самостоятельный и отдѣльный отъ всего общества. Таковъ законъ всѣхъ отдѣльныхъ личностей, не связанныхъ съ внутренними силами какой нибудь народной жизни. Этому закону на Западѣ, при ослабленіи центральной власти, слѣдовала дружина аллодіальная и создала изъ себя новую, въ себѣ замкнутую систему феодальности. Дружина въ старой Руси окончательно образовалась въ странную и нигдѣ невиданную систему мѣстничества, которой основами служили, съ одной стороны, служебнѣй разрядъ, съ другой—родовая лѣстница, и обѣ основы были одинаково чужды общей земской жизни. Земщина не мѣстничалась. Правда, что сами общины, т. е. города и части городовъ, считались старшинствомъ другъ съ другомъ; но въ этихъ притязаніяхъ является только память о нѣкогда бывшей политической зависимости или объ исторической древности, и все-таки нѣтъ ничего общаго съ мѣстничествомъ. Грозный Іоаннъ Четвертый сокрушилъ послѣднія притязанія дружины на независимость, а кочеваніе дружины кончилось ея водвореніемъ когда она получила выгодную осѣдность, связанную съ другою осѣдлостью, предписанною земской стихіи. Необходимое и въ тоже время странное явленіе этой дружины въ Русской исторіи не вполне изслѣ-

довано наукою; но нельзя не замѣтить его соответствія съ другимъ явленіемъ, нѣсколько подобнымъ ему. Славянское племя, вообще самое мирное изъ всѣхъ племенъ Европы, одно только и произвело быть казачій, быть исключительно воинственный и которому нигдѣ нѣтъ вполнѣ соответствующаго. Русскій бытъ, изстари по преимуществу общинный, произвелъ дружину, въ которой личная отдѣленность была доведена до крайности и узаконена и которая, не имѣя съ землею никакихъ общихъ началъ, скрѣпила себя, наконецъ, искусственнымъ сочлененіемъ мѣстничества, уничтожая окончательно личность и обращая ее въ нумерь. Такое раздвоеніе съ землею не могло оставаться безъ страшнаго вліянія на общую жизнь; такая полная Китайская формальность въ землѣ, крѣпкой только живыми своими началами, не могла не производить самыхъ гибельныхъ послѣдствій. Система, открывавшая путь всякому заѣзжему иноземцу (и множество изъ нихъ воспользовалось этимъ правомъ заѣзда) и преграждавшая путь всякому сыну родной земли, должна была мертвить общую жизнь и вносить въ нее безпрестанно или начала чуждыя или зародыши костенѣнія и смерти. Русская исторія представляетъ слишкомъ много свидѣтельствъ этой истинѣ. Русская сила, предводимая не высокими доблестями воинскими, а высокими мѣстничествами нумерами, слишкомъ часто гибла въ борьбѣ съ слабѣйшими изъ своихъ враговъ, чтобы можно было отрицать вредное вліяніе мѣстнической формальности или отдѣленія самостоятельной и личной дружины отъ естественнаго строя Русскаго народнаго быта. Вредная въ полномъ развитіи своей самобытности, вредная даже въ своемъ паденіи, она, безспорно, во многомъ задержала и остановила успѣхъ той образованности, къ которой наша старая Русь была призвана. Въ ея присутствіи то высокое просвѣтительное начало цѣльности, жизни и общенія, которое сохранили для насъ святые дѣятели и мыслители Православнаго Востока, не могло приносить полныхъ и скорыхъ плодовъ.

Но сословность не свойственна Русскому духу. Западный Европеецъ не можетъ отказаться отъ личной гордости, въ формѣ ли сословной или племенной.

III, 107. Для насъ, старыхъ Славянъ, мирныхъ тружениковъ земли, такая гордость непонятна. Словакъ почти всегда говоритъ свободно по мадярски и по нѣмецки. Русскій смотритъ на всѣ народы, замеченные въ безконечныя границы Сѣвернаго Царства, какъ на братьевъ своихъ, и даже Сибиряки на своихъ вечернихъ бесѣдахъ часто употребляютъ языкъ кочевыхъ сосѣдей своихъ, Якутовъ и Бурятъ. Лихой казакъ Кавказа беретъ жену изъ аула Чеченскаго, крестьянинъ же-

нится на Татаркѣ или Мордовкѣ, и Россія называетъ своею славою и радостію правнука Негра Ганнибала, тогда какъ свободолюбивые проповѣдники равенства въ Америкѣ отказали бы ему въ правѣ гражданства и даже брака на бѣлолицой дочери прачки Нѣмецкой или Англійскаго мясника. Я знаю, что нашимъ западнымъ сосѣдямъ смиреніе наше кажется униженіемъ; я знаю, что даже многіе изъ моихъ соотечественниковъ желали бы видѣть въ насъ начала аристократическія и родовую гордость Германскую, надѣясь найти въ нихъ защиту отъ вліянія иноземнаго и будущее развитіе гражданской свободы (на манеръ Англійской) и проч. и проч. Но чуждая стихія не срастется съ духовнымъ складомъ Славянскимъ. Мы будемъ, какъ всегда и были, демократами между прочихъ семей Европы; мы будемъ представителями чисто-человѣческаго начала, благословляющаго всякое племя на жизнь вольную и развитіе самобытное. Законы могутъ создать у насъ на время родовое дворянство, можетъ быть, и родовое боярство, могутъ учредить у насъ маіоратство и право семейнаго первородства; ложное направленіе народности въ литературѣ можетъ раздуть въ насъ слабую искру гордости и вселять безумную мечту первенства нашего передъ нашею братією, сыновьями той же великой семьи. Все это возможно; но невозможно въ насъ вселить то чувство, тотъ ладъ и строй души, изъ котораго развиваются маіоратство, и аристократія, и родовое чванство, и презрѣніе къ людямъ и народамъ. Это невозможно, этого не будетъ. Грядущее покажетъ, кому предоставлено стать впереди всеобщаго движенія; но если есть какая-нибудь истина въ братствѣ человѣческомъ, если чувство любви и правды и добра не призракъ, а сила живая и не умирающая, зародышъ будущей жизни міровой—не Германецъ, аристократъ и завоеватель, а Славянинъ, труженикъ и разночинецъ, призывается къ плодотворному подвигу и великому служенію.

Личность въ древней Руси не теряла своего значенія.

I, 153. Жизненная сила всего древняго Русскаго общества, не смотря на тревоженія его и на внутренній трудъ общины, слившихся слиться въ одну великую Русскую общину, долго не подавляла разумнаго развитія личности. Пути мысли были свободны, все человѣческое было доступно человѣку (разумѣется, по мѣрѣ его знаній и умственныхъ силъ). Быть можетъ, перевѣсъ перваго, т. е. общественнаго начала, былъ нѣсколько сильнѣе, чѣмъ слѣдовало, вслѣдствіе внутреннихъ смутъ, предшествовавшихъ скрѣпленію государства, и вслѣдствіе внѣшнихъ грозъ (Татарской и Литовской), требовавшихъ сосредоточенія и напряженія общественныхъ силъ для отпора; но

область личной мысли была еще довольно обширна. Стихія народная не враждовала съ обще-человѣческимъ даже тогда, когда обще-человѣческое приходило къ намъ съ клеймомъ иноземнымъ. Доказательствомъ тому служить знаніе иностранныхъ языковъ и особенно похвала этому знанію, призваніе иностранныхъ художниковъ, охотное сближеніе съ иноземцами даже духовнаго званія, вліяніе западнаго искусства на Новгородскую иконопись, принятіе многихъ западныхъ сказокъ, знакомство съ Нѣмецкими сагами изъ круга Нибелунговъ (какъ видно изъ Новгородскаго лѣтописца), наконецъ, сочувствіе съ явленіями западнаго міра, отчасти заслуживающими этого сочувствія (напримѣръ, съ крестовыми походами) и многое другое. Кажется, подозрительность и вражда къ западной мысли стали проявляться съ нѣкоторою силою послѣ Флорентинскаго собора и Латинскаго насилія въ Русскихъ областяхъ, тогда подвластныхъ Польшѣ. Развились онѣ вполнѣ вслѣдствіе безумной и глубокой ненависти къ Русскимъ людямъ, доказанной Швеціею и купечествомъ и баронствомъ при - Балтійскимъ; болѣе же всего вслѣдствіе вражды и лукавства Польскихъ магнатовъ и Латинскаго духовенства. Мало по малу народная стихія стала являться исключительно и враждебною ко всему иноземному. Область духа человѣческаго была стѣснена; но такое стѣсненіе, противное, какъ истинѣ человѣческой, такъ и требованіямъ духа Русскаго и кореннымъ основамъ его внутренней жизни, должно было произвести сопротивленіе, доходящее до противоположной крайности. Борьба 1612 года была не только борьбою государственною и политическою, но и борьбою духовною. Европеизмъ съ его зломъ и добромъ, съ его соблазнами и истинною, являлся въ Россіи въ образѣ Польской партіи. Салтыковы и ихъ товарищи были представителями западной мысли. Правда, въ нравственномъ отношеніи они не заслуживали уваженія. Иначе и быть не могло: нравственно - низкія души легче другихъ отрываются отъ святыни народной жизни. Правда, люди желавшіе измѣнить старину были въ то же время измѣнниками отечеству, но это только была историческая случайность въ ихъ положеніи. Въ сущности же ихъ направление, произведенное случайнымъ ожесточеніемъ народного начала, стѣснявшаго свободу мысли человѣческой, было не совѣмъ неправо. Сила Русскаго духа восторжествовала: Москва освобождена, Русскій царь на престолѣ; но требованіе мысли, возстающей противъ стѣснительнаго деспотизма обычаевъ и стихій мѣстныхъ, не осталось безъ представителей. Худшая сторона его выражалась въ такихъ людяхъ, какъ развратный бѣглець и клеветникъ Котошихинъ, или какъ Хворостининъ, который говорилъ, что «Русской людъ такъ глупъ, что съ нимъ жить нельзя»; но лучшая сторона того же требованія находила

сочувствіе въ лучшихъ и благороднѣйшихъ душахъ. Нѣтъ сомнѣнія, что оно должно было получить со временемъ свои законныя права; быть можетъ, оно должно было впасть въ крайность, потому что было вызвано противоположною крайностью. Какъ бы то ни было, оно нашло себѣ представителя, давшего ему полный перевѣсъ и быструю побѣду. Этотъ представитель, одинъ изъ могущественнѣйшихъ умовъ и едва ли не сильнѣйшая воля, какія представляетъ намъ лѣтопись народовъ, былъ Петръ. Какъ бы строго ни судила его будущая исторія (и безспорно, много тяжелыхъ обвиненій падеть на его память), она признаетъ, что направленіе, котораго онъ былъ представителемъ, не было совершенно неправымъ; оно сдѣлалось неправымъ только въ своемъ торжествѣ, а это торжество было полно и совершенно. Нечего говорить, что всѣ Котошихины, Хворостинины и Салтыковы бросились съ жадностью по слѣдамъ Петра, рады-радехоньки тому, что освободились отъ тяжелыхъ требованій и нравственныхъ законовъ духа народнаго, что они, такъ сказать, могли расплескаться въ Русскій постъ. Та доля правды, которая заключалась въ торжествующемъ протестѣ Петра, увлекла многихъ и лучшихъ; окончательно же соблазнъ житейскій увлекъ всѣхъ.

I, 180. Трудно сказать, чего именно хотѣлъ Петръ и сознавалъ ли онъ послѣдствія своего дѣла. По всѣмъ вѣроятностямъ, онъ искалъ пробужденія Русскаго ума. Многіе изъ его современниковъ, можетъ быть, самые достойные его понимать, не поняли его. Петръ вводилъ къ намъ Европейскую науку; черезъ это онъ вводилъ къ намъ всю жизнь Европы. Таково было необходимое послѣдствіе его дѣла, но въ этомъ отношеніи онъ былъ небезсознательнъ. Его борьба была съ цѣлою, нѣсколько закоснѣвшею жизнію, и онъ боролся съ нею во всѣхъ ея направленіяхъ. Онъ вводилъ всѣ формы Запада, всѣ, даже самыя неразумныя; онъ искажалъ многое, чего бы не долженъ былъ касаться; онъ искажалъ прекрасный языкъ Русскій, онъ искажалъ самое свое благородное имя, коверкая его въ Голландскую форму Питеръ; но ему это было необходимо. Онъ хотѣлъ потрясти вѣковой сонъ, онъ хотѣлъ пробудить спящую Русскую мысль посредствомъ болѣзненнаго потрясенія.—Этотъ судъ не строгъ. Человѣкъ боролся, и въ борьбѣ разгорѣлись страсти, и онъ увлекся тѣмъ нетерпѣніемъ, которое такъ естественно историческимъ дѣятелямъ, которое такъ естественно всякому человѣку при встрѣчѣ съ препонами въ подвигѣ, который онъ считаетъ добрымъ.

Медленно и лѣниво развились сѣмена мысли, перенесенной съ Запада; еще бы медленнѣе развились они, если бы изъ самыхъ нѣдръ Россіи не выросъ гениальный простолюдинъ Ломоносовъ. Но быстро

и почти мгновенно разрослись другіе плоды дѣль Петровыхъ, плоды той несчастной формы, въ которую облакалъ онъ или въ которую, можетъ быть, облеклась мысль, которою онъ хотѣлъ обогатить насъ. Наука, т. е. анализъ, по сущности своей вездѣ одинъ и тотъ же; его законы одни для всѣхъ земель, для всѣхъ временъ; но синтезъ, который его сопровождаетъ, измѣняется съ мѣстностями и со временемъ. Тотъ, кто не понимаетъ внутренней связи, всегда существующей между анализомъ и синтезомъ, изъ котораго онъ возникаетъ, впадаетъ въ жалкую ошибку. Въ Россіи эта ошибка достигла громаднхъ, почти невѣроятныхъ размѣровъ. Сознательно введены были къ намъ однимъ человѣкомъ всѣ формы Запада, всѣ внѣшніе образы его жизни; безсознательно схватились мы именно за эти формы и за эти образы, вслѣдствіе ли тщеславія, или подражательности, или личныхъ выгодъ, или слабости, естественной всѣмъ людямъ, принимать охотно все, что можетъ ихъ отличить отъ другихъ людей, получившихъ въ жизни менѣе счастливый удѣлъ, и поставить ихъ, по видимому, выше ихъ братьевъ. Формы, облакающія просвѣщеніе, приняты были нами за самое просвѣщеніе.

Формализмъ вторгся въ Русскую жизнь, а формализмъ мертвитъ все.

I, 64. Отстраняя дѣятельность духовную и самобытность свободной мысли и теплаго чувства, всегда надѣясь найти средства обойтись безъ нихъ и часто обманывая людей своими обѣщаніями, онъ погружаетъ мало по малу своихъ суевѣрныхъ поклонниковъ въ тяжелый и безчувственный сонъ, изъ котораго они или вовсе не просыпаются, впадая въ совершенное омертвѣніе, или просыпаются горькими, ядовито-насмѣшливыми и въ тоже время самодовольными скептиками, утратившими вѣру въ формулу, также какъ и въ жизнь, въ общество, также какъ въ людей.

Въ жизни Русскаго народа произошелъ разрывъ.

I, 56. Жизнь сопротивлялась вліянію иноземнаго или, такъ сказать, колониальнаго начала только своею неподвижностью; прямого же вліянія на него не имѣла, развѣ только тѣмъ, что мѣшала ему тѣснѣе сродниться и слиться окончательно съ какою нибудь изъ Западныхъ народностей. Просвѣщеніе же дѣйствовало постоянно, признавая жизнь или, лучше сказать, составъ народный за грубый матеріаль, подлежащій обработкѣ для того, чтобы вышло изъ него что-нибудь дѣльное и разумное. Оно дѣйствительно не признавало Россіи существующею, а только имѣющею существовать. Вся эта громада, которая уже такъ много имѣла и будетъ всегда такъ много имѣть вліянія на судьбу

человѣчества, являлась ему какимъ-то случайнымъ скопленіемъ человѣческихъ единицъ, связанныхъ или сбитыхъ въ одно цѣлое внѣшними и случайными дѣйствителями; жизни же внутренней и сильной, разумной и духовной, создавшей ее, оно какъ будто бы и не предполагало; а когда и предполагало, то принимало за какое-то хаотическое броженіе, которому изрекало приговоръ въ словѣ презрѣнія или насмѣшки. Разумѣется, эти понятія, эти приговоры никогда не облекались въ опредѣленный образъ и, такъ сказать, въ формальныя рѣшенія; ихъ должно искать въ общемъ ходѣ образованности и въ каждой ея подробности. Случайно и безсознательно вырвавшіяся слова часто яснѣе выказываютъ мысль, чѣмъ обдуманнѣйшій и обсуженный приговоръ; въ нихъ всегда менѣе лицемерія, болѣе искренняго чувства, и часто болѣе общаго мнѣнія, чѣмъ личнаго. А такими словами наполнена вся наша словесность отъ Земледѣльческой Газеты, которая частехонько представляетъ Русскаго крестьянина какимъ-то бессмысленнымъ и почти безсловеснымъ животнымъ, до изящнѣйшихъ выраженій нашего общества, которое великодушно допускаетъ въ Русскомъ человѣкѣ умъ, понятливость, смысленность и нѣкоторое добродушіе, впрочемъ безъ всякихъ убѣжденій и разумныхъ началъ, т. е. порядочные матеріалы для будущаго человѣка, а все-таки еще не человѣка. Такими же словами богатъ нашъ общественный разговоръ, отъ бесѣды мелкаго чиновника, питающаго глубочайшее презрѣніе къ бородачу, до тѣхъ недосигаемыхъ круговъ и салоновъ, гдѣ патріотическая любовь снисходительно собираетъ приготовить для души того же бородача духовное и умственное содержаніе, котораго она еще до сихъ поръ лишена, а для его жизни вещественное благополучіе по новѣйшимъ иностраннымъ образцамъ. Это не частныя ошибки, это мнѣніе общее, болѣе или менѣе ясно выговаривающееся; но если бы принимать это и за частныя ошибки, то должно помнить, что есть заблужденія частныя, которыя возможны только при извѣстномъ заблужденіи общества.

I, 156. Это духовное рабство передъ Западнымъ міромъ, этотъ ожесточенный антагонизмъ противъ Русской земли, разсмотрѣнные въ продолженіе цѣлаго столѣтія, представляютъ весьма любопытное и поучительное явленіе. Отрицаніе всего Русскаго, отъ названій до обычаевъ, отъ мелочныхъ подробностей одежды до существенныхъ основъ жизни, доходило до крайнихъ предѣловъ возможности. Въ немъ проявлялась какая-то страсть, какая-то комическая восторженность, обличающая въ одно время величайшую умственную скудость и совершеннѣйшее самодовольствіе. Конечно, эти крайности, повидимому, принадлежатъ болѣе первому періоду нашей европеизаціи, чѣмъ послѣд-